

Александр Афанасьев
Час героев
Серия «Период распада», книга 6

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2671025
Александр Афанасьев. Час героев: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-53278-0*

Аннотация

2015 год. Еще лет 20 назад это казалось бы антинаучной фантастикой, но теперь превратилось в суровую и кровавую реальность – сапоги и берцы натовских солдат топтали украинскую землю. Далеко не всем это было по нраву, и пламя партизанской войны захлестнуло степи Тавриды, горы Крыма и улицы Киева, Одессы, Харькова... Запредельная жестокость польско-румынских оккупантов и их бандеровских прихвостней не сломила волю народа к сопротивлению, и даже прямая помощь их «старших братьев» из-за океана не смогла переменить ситуацию. И тогда американские стратеги решили нанести удар по тыловой базе Сопротивления. По территории еще недавно великой России...

Содержание

30 мая 2015 года	5
Дух...	8
USNS Altair T-AKR 291	17
Далекое прошлое	23
Крым, реальность	30
Дух	31
Крым, реальность	40
Дух	41
Далекое прошлое	42
Крым, реальность	54
Дух	55
Цыгане	56
Крым, реальность	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Александр Афанасьев

Час героев

*Бог праотцев, преславный встарь,
Господь, водивший нас войной,
Судивший нам – наш вышний Царь! —
Царить над пальмой и сосной,
Бог Сил! Нас не покинь! – внемли,
Дабы забыть мы не смогли!*

*Вражде и смуте есть конец,
Вожди уходят и князья:
Лишь сокрушение сердец —
Вот жертва вечная твоя!
Бог Сил! Нас не покинь! – внемли,
Дабы забыть мы не смогли!*

*Тускнеют наши маяки,
И гибнет флот, сжимавший мир...
Дни нашей славы далеки,
Как Ниневия или Тир.
Бог Сил! Помилуй нас! – внемли,
Дабы забыть мы не смогли!*

*Коль, мощью призрачной хмельны,
Собой хвалиться станем мы,
Как варварских племен сыны,
Как многобожцы, чада тьмы,
Бог Сил! Нас не покинь! – внемли,
Дабы забыть мы не смогли!*

*За то, что лишь болванки чтим,
Лишь к дымным жерлам знаем страх
И, не припав к стопам Твоим,
На прахе строим, сами прах,
За похвальбу дурацких од,
Господь, прости же Свой народ!*

Киплинг
«Отпустительная молитва»

30 мая 2015 года
Черное море, пятнадцать
километров от крымского побережья
USNS Altair T-AKR 291
Navy forward operational base «Omega»
24 MEU USMC Task force 181
USMC master-sergeant (ret.) Оливер Нули
Scout-sniper team «Omega-zero»

Даже несмотря на то, что сейчас Черное море относительно спокойно – корабль все равно покачивает. Чуть-чуть, мореман этой качки вообще не заметит, а морской пехотинец просто поймет, что он плывет в очередную задницу.

Но его эта качка раздражала, она занимала его внимание, хоть чуть-чуть – но занимала. А это плохо. Да еще этот...

– Сэр, вам нельзя идти одному... – заявил лейтенант морской пехоты, здоровенный техасец с типично техасским гнусавым выговором, на груди у которого красовалась табличка «Миллер», как на банке с пивом. – Черт, вы же сами нас этому учили, сэр. В одиночку в красную зону не ходят, команда – это ты и твой партнер...

– Что ты там сказал про партнера... – подняв голову от лежащих на расстеленной на столике каюты большой тряпице блестящих снайперских патронов, спросил мастер-сержант корпуса морской пехоты США (в отставке) Оливер Нули, – никак собираешься меня поймать, парень?

Миллер покраснел.

– Сынок, такому большому и сильному морскому пехотинцу не пристало краснеть, как будто ты только что прибыл из Пэрис-Айленд¹ и твои старшие товарищи не просветили тебя, что к чему.

– Сэр, вам туда нельзя одному. Вам нужен напарник.

– Мой напарник погиб, Миллер.

– Сэр, многие на этом корабле, в том числе и я, с радостью прикроют вам спину. Только скажите, и мы найдем...

– Миллер... Когда ты идешь по коридору этого замечательного во всех отношениях корабля, я тебя слышу уже тогда, когда ты спускаешься на палубу. Ты немного приволакиваешь ногу, что с тобой?

– Ирак, сэр.

Мастер-сержант одобрительно кивнул.

– Ирак здоровья не прибавляет, это верно. А теперь ответь мне на вопрос: если я тебя слышу с такого расстояния, то с какого расстояния я тебя засеку в лесу? И с какого расстояния тебя засечет Дух?

– Сэр, у нас на судне базируется оперативная группа боевых пловцов, первый лейтенант...

– В Косово, в девяносто девятом, эти придурки вместе с такими же придурками, но нашими, искали сбитого американского летчика. Наша группа как раз была в этом районе

---

¹ Пэрис-Айленд – там находится основной учебный центр американской морской пехоты.

и решила помочь бедняге, тем более что в том районе были и сербы, и кое-кто похуже. Но эти «морские кони», мать их, – приняли нас за сербский снайперский патруль и окатили нас из «Минигана», после чего я еще долго не мог спать по ночам. Я вернулся в корпус не для того, чтобы мою старую задницу прикрывали эти земноводные, вот так вот, Миллер.

Миллер перевел глаза на стоящее в углу оружие – оно стояло в жестком кейсе, пристегнутое ремнями, хотя кейс был открыт и его можно было видеть. Это была стандартная снайперская винтовка морской пехоты «M40A3», с пластиковым прикладом и прицелом «Unertl», сильно устаревшей модели. Винтовка была явно ухоженной, и полностью, до последней детали, она была покрыта аккуратно, видимо вручную, нанесенным нестандартным камуфляжем. Чуть в стороне от нее лежал прямо на полу каюты короткоствольный автомат «Mk18mod1» с толстым глушителем и прицелом «ACOG».

– Сэр, если даже вы пойдете один, с этой винтовкой вы не сможете достичь преимущества над противником, тем более над таким, как Дух. У нас в оружейке есть «M200» и тепловизор к ней, есть и «Барретт», и подполковник с радостью...

Мастер-сержант вздохнул.

– Вот поэтому-то вы тут и возитесь...

– Простите, сэр?

– Поэтому-то вы тут и возитесь. Вы думаете, что война – это долбануть кого-нибудь с двух километров из винтовки калибра 408 или врезать «Хеллфайром» в белый силуэт на экране. Но война, Миллер, – это нечто другое, и я намерен напомнить это и русским, и другим засранцам, которых вы тут развели. Когда они поймут, что у морпехов яйца – железные, а не, там, серебрянкой присыпанные – тогда они раз и навсегда забудут сюда дорогу.

– Но сэр, кто-то же должен прикрыть вам спину.

Снайпер улыбнулся.

– Правила – для того, чтобы их нарушать. Когда у нас была снайперская группа «Омега Зеро» – мы это и делали. Если ты откроешь наставление по снайперскому делу, Миллер, то увидишь, что снайперская группа состоит из двух человек, первого и второго номеров, и при необходимости они должны подменять друг друга. Но снайперская винтовка у них – одна на двоих. Так вот – в снайперской паре группы «Омега-Зеро» были две снайперские винтовки, и мы были не партнерами, которые не могут и минуты прожить друг без друга, а напарниками, каждый из нас и охотился, и прикрывал. И так мы надрали задницы немалому количеству плохих парней, в том числе и в тех местах, про которые ты и в новостях не слышал. А теперь иди и скажи подполковнику, который тебя послал, что если у него проблемы, то он может обращаться непосредственно к командующему Корпусом морской пехоты США, который прошлой зимой охотился на оленей в принадлежащих мне угодьях...

– Слушаюсь, сэр.

Лейтенант сделал шаг к двери, потом развернулся и неуверенно сказал:

– Сэр...

– Ну? Ты забыл дорогу к двери?

– Разрешите вопрос?

– Хоть два.

– А этот... Его Дух зовут, так ведь? Как думаете, что это означает?

Мастер-сержант отложил в сторону штангенциркуль, которым он измерял каждый из патронов, которые он намеревался взять с собой.

– Могу только догадываться, парень. Но мысль у меня есть. В свое время Советы воевали в Афганистане, это было так давно, что ты в те годы ходил в детский садик, наверное. Им противостояли в принципе те же ублюдки, которые нас сейчас там убивают, – просто тогда мы помогали им убивать русских, а теперь они убивают нас. Русские их звали душманами, сокращенно – это дух. Понял?

– Так что, этот снайпер взял себе название по тому, как они называли врага?

– Может быть. Я думаю, что он в те годы был там. Если это так, то это старый и опытный лис. И у него на прикладе немало зарубок, Миллер.

Мастер-сержант немного подумал и добавил, почти шепотом:

– Как и на моем...

Дух...
Далекое прошлое
Лето 1987 года
Демократическая Республика
Афганистан, севернее Джебаль-Уссарадж
Сторожевая застава, район отметки 2685

– Э, дух! Душара!

Старший сержант Кордава, которому до дембеля-то оставалось чуток, спрыгнул в «гнездо» – выложенную со всех сторон крупными валунами, по пояс человеку, воронку от авиабомбы. Наблюдательный пункт. За спиной у Кордавы висела на ремне новенькая снайперская винтовка Драгунова.

– Ты че, душара, задох, что ли, тут?

Невысокий белобрысый солдат – слон² по сроку выслуги, а не дух, но его пока не перевели, как полагается, и он считался еще духом – в потертой, пропитанной потом до состояния соляной корки эксперименталке³, беззлобно и добродушно улыбнулся, отодвигая в сторону кусок дерюги, которым он накрывался от солнца.

– Жарко, тащ гвардии старший сержант.

Кордава огляделся.

– А Деменчук где?

– Так это... по малой отошел, тащ гвардии старший сержант.

– Давно?

– Да... минут десять как...

Кордава мгновенно взбесился: как и любой грузин, пусть и с севера, он заводился с полоборота...

– Козел, деда шено! Щас колонну погонят, а он с поста дернул. Ничо... майор ему вечером устроит ското-клизм... усрется. Деда мухтан траге.

Старший сержант посмотрел на часы.

– Колонну, тащ гвардии старший сержант? Не объявляли же на разводе... А следующая – через полчаса.

– Да бес их знает... только что объявили. Бивень меня сюда дернул... посты проверить, б... Ладно, молодой, не бзди... Зырь только в оба...

– Есть...

Молодой – он был слоном, и права на имя у него не было – приложился к станковому пулемету, обзревая окрестности.

* * *

Саланг...

Вряд ли найдется такое место на афганской земле, которое столь обильно полито кровью советских воинов.

---

² СЛОН, Солдат Любящий Огромные Нагрузки, – солдат отслуживший полгода.

³ Эксперименталка – полевая форма очень светлого цвета, нигде, кроме Афганистана, не выдавалась.

Единственная дорога от пограничного Термеза на Баграм, можно сказать, дорога жизни, потому что все снабжение сороковой армии и вся помощь, которая идет Афганистану – идет через нее. В Афганистане нет ни единого километра железнодорожных путей, если не считать построенную в двадцатых и потом сломанную железную дорогу из центра Кабула до королевского дворца. Дорога сложная, пролегает в высокогорье, петляет меж горных круч, если и есть куда свернуть – так это в зияющую пропасть. Ни одна и не две машины в пропасть улетели... особенно страшно было зимой и на гусеничной технике, тот же танк зимой – как корова на льду, чуть что и... С любого склона может работать снайпер, бронированных кабин тогда не додумались сделать... вот и гибли пацаны. А против гранатомета, который в засадных группах у каждого второго духа имеется – даже танковая броня не помогает. Но есть две самые страшные точки. Первая – это тоннель под перевалом Саланг, пробитый советскими инженерами в шестидесятых, он очень плохо освещенный, узкий и там нет внутренней вентиляции. Дважды там были такие ЧП, что и подумать страшно, – в одном из них разом погибли, отравившись углекислым газом, больше пятидесяти человек. А что – машина сломалась и встала, остальные газуют – все. Был там и пожар бензовоза. Душманы все время пытались прорваться к одному из входов в тоннель, чтобы заложить взрывчатку, если бы это им удалось – последствия были бы катастрофическими. Чтобы этого не допустить – по обеим сторонам Саланга стояли несколько сторожевых застав, и тех, кто уходил туда, провожали как покойников. Вторая точка – это как раз в районе Джебаль-Уссарадж, там на трассу выходит ущелье Саланг, вотчина Ахмад Шаха Масуда, талантливого и удачливого военачальника моджахедов. Девять операций было предпринято для того, чтобы овладеть ущельем Саланг, в ходе второй из них вертолеты, чтобы блокировать ущелье, высадили одновременно четыре тысячи двести десантников. И все равно, как только заканчивалась «очередная пандшерская» – ущелье переходило под контроль духов, для которых оно было таким же важным, как и для нас Саланг. Дело в том, что идущая по перевалу Саланг дорога была единственной, прикрытой с обеих сторон скальными массивами дорогой, которая шла от места, где сходятся границы четырех государств – СССР, Афганистана, Пакистана и Китая, – и по ней можно было безопасно выйти в самый центр Афганистана. Сам Ахмад Шах, кстати, не очень-то стремился атаковать советские колонны на трассе, он больше занимался делами создаваемого им в Пандшере собственного государства – но другие командиры духов, прошедшие Пандшером из Пакистана – очень даже были не прочь поразбойничать на трассе.

Как раз это направление и прикрывала сторожевая застава, стоящая на отметке 2685.

Застава эта была в принципе такой же, как и десятки других по обе стороны трассы, за семь лет уже обжитых. Жили в некоем подобии жилья, построенного на манер афганского из глины и камней, были тут и траншеи, вырытые невероятным трудом в каменистой почве, были и бомбоубежища – перекрытые щели, потому что у духов были минометы. Была напотапанная дорога к роднику – до него был примерно километр. И были выносные посты, на одном из которых как раз и разворачивалось сейчас описываемое действие.

От поста до дороги было примерно метров шестьсот, и все эти шестьсот метров были таким крутым спуском, что, как выражались местные деды, «до низу только уши твои доедут». Все подходы к выносному посту были заминированы, кое-где кинули и МЗП⁴ – но все понимали, что духи не сумасшедшие, чтобы лезть в гору под шквальным огнем с нее. Накроют минометами да снайперы отработают – вот и все дела. А пока одни будут пост огнем давить – другие колонну выбьют.

Благо, все-таки хоть частично – но «гнездо» сверху прикрыли, вот только выдержит ли этокрытие взрыв минометной мины – никто не проверял...

⁴ Малоаметное проволочное ограждение.

Первыми, конечно же, появились вертолеты. Два «крокодила» – большие, уродливые «Ми-24» шли над ущельем, парой, один за другим, то первый, то второй изредка плевались факелами тепловых ловушек МТЦ. Хотя ущелье и прикрыто сплошной цепью застав – никогда не знаешь, где, на каком выжженном солнцем склоне тебя поджидает огнехвостая смерть – и поэтому только полные дураки привозили из полета хоть одну кассету с ловушками. Вертолеты проходили над ущельем нечасто, только плановые облеты да прикрытые особо важных колонн...

Выжженная солнцем, бурая, не дающая плодов земля. Острые, рвущие бездонную синь неба пики гор. И пацаны – вцепившиеся зубами в эту землю, чужую и враждебную. А каждому пацану всего-то – девятнадцать-двадцать лет...

Первым полз танк. Старая каракатица, железная коробка с донельзя изношенным дизелем, она ползла по натопанной сотнями тысяч шин дороге, толкая перед собой зубчатые колеса трала; совершенно бесполезная в такой ситуации пушка смотрела в сторону. Танк здесь был совершенно не нужен, он разбивал своим весом и гусеничными траками и так уже испохабленную дорогу и задерживал колонну, большей частью состоящую из мощных полноприводных новеньких «КамАЗов». За все время войны ни одна светлая голова в советском ВПК не сумела придумать колесную машину, которая могла бы толкать перед собой этот трал. Много чего не мог придумать на восьмой год войны неповоротливый советский ВПК – ни миннозащищенные БТР, ни колесные машины разминирования, ни бронированные от пуль кабины, которые можно было бы поставить вместо обычной кабины грузовой машины, ни тяжелые ружья – аналоги военных времен ПТР, из которых можно было бы проломить дувал, стену дома или достать противника на противоположном склоне ущелья, ни бронированные транспортные вертолеты. Господи, да за все время войны формы нормальной солдату не дали, все по форме одевались только во время проверок, а так воевали либо в трофейном, либо в чем попало, выходит рота на операцию – как сброд блатных или шайка нищих. Но они все равно воевали. И отступить – не собирались.

Второй ползла «Шилка» – страшный зенитный танк шурави, шайтан-арба. Тоже гусеничная, с хреновым бронированием и маломощным двигателем – но с зенитной установкой о четырех стволах, способной на максимальной скорострельности выплевывать шестьдесят четыре снаряда в секунду. Духи, если эта машина шла в колонне, – первой целились по ней, а если с первого залпа подбить не удавалось – сразу начинали отходить. Трудно представить, сколько солдатских жизней спасла эта неповоротливая, неказистая машина.

Дальше шли машины – колонна была смешанной, машины были и военные, и гражданские. Среди разноцветья кабин – зеленые, оранжевые, синие – выделялись машины прикрытия – мощные «Уралы» с зенитными установками в кузовах со снятыми тентами. Это не «Шилка», но тоже даст – мало не покажется. Таких машин было целых три – а вдобавок еще четыре БМП-2, нервно нюхающих воздух своими, готовыми в любой момент огрызнуться огнем стволами скорострелок. Колонну и в самом деле охраняли нехило – вопрос был только в том, что это в ней такое везли...

Дух повел стволом пулемета.

– Тащ гвардии старший сержант, а что это там наши – колонну, что ли, пошмонать намылились?⁵ – спросил он, заметив лежащие в кустах у самой дороги силуэты в советской военной форме.

– Где?

– А вот от камня... Левее тридцать.

---

⁵ Колонну пошмонать намылились – то есть решили на ходу забраться в грузовик и попытаться умыкнуть что-то съестное. Такое было не редкостью.

Старший сержант прильнул к прицелу снайперской винтовки, повел стволом – и вдруг громко и страшно закричал:

– Духи! К бою!!!

Винтовка плюнула огнем – и в этот момент совсем рядом с Духом раздался такой мокрый шлепок и что-то брызнуло. Брызнуло мокро, противно и завоняло. Дух от неожиданности выпустил пулемет, повернулся – и увидел, что старший сержант Кордава лежит, навалившись на бруствер, и у него нет половины головы.

Внизу, на дороге громынуло – да так, что дрогнула земля, пахнуло горячим ветром. Потом долбануло еще раз и еще... Заговорили пулеметы.

Крац! Крац!

Что-то больно ударило Духа по голове, он машинально провел рукой по скуле – и пальцы вляпались в горячее – кровь! Две пули попали в пулемет, еще не сделавший ни одного выстрела, одна из них раскололась на части, и один из осколков чиркнул Духа по щеке. Потекла кровь. Он свалился на дно «гнезда», слыша новые взрывы и нарастающий шум вертолетных лопастей.

Влипли...

Вертолеты, возвращаясь, заходили на штурмовку на предельно малой, хищно наклонив носы в сторону земли – словно гончие, чующие добычу по крови. Ни одна банда моджахедов не могла выстоять против вертолетов – но сейчас был не восемьдесят первый год и не восемьдесят четвертый. Сразу несколько комков огня оторвались от склонов и полетели навстречу вертолетам – и вертолеты отклонились от курса, щедро расшвыривая огненные шары, заложили вираж, спасаясь от летящих им навстречу огненных шаров – и часть из светлячков пролетела мимо, а два – полетели за одним из вертолетов, как привязанные. Все понятно, вертолетчики колонну прикрывать не будут; в связи с последними потерями в материально-технической части и летном составе входящих в состав сороковой армии эскадрилий и полков издан приказ: при обстреле в первую очередь следует работать по средствам ПВО духов и только потом – прикрывать колонну. Пока одни духи отгоняли вертолеты – вторые обстреливали колонну, а потом они просто скроются, и все. Осталось немного...

Взгляд Духа упал на винтовку – убитый гвардии старший сержант Кордава выпустил ее из рук, и она сползла на дно «гнезда», легла рядом с ним. И тут ему в голову пришло, что духи считают его сторожевой пост подавленным, и теперь у него есть преимущество. Никто, тем более духи, не знает, что он жив и умеет пользоваться этой винтовкой, – а он знает...

Только бы пристреляна была как надо...

Он осторожно взял винтовку в руки, посмотрел, в каком положении стоят маховички прицела. Получалось, что боковые поправки стоят на «нуле», старший сержант их не трогал и правильно делал, гораздо проще прицелиться по делениям. Дальность... Он загреб левой рукой пыли со дна его прикрытого камнями окопа, бросил ее в воздух – и узнал, какой сейчас ветер, прикинув, что в ущелье он будет дуть несколько по-другому, тут сыграет свою роль и волна жара от горящей техники. А значит, надо...

Танк с тралом лежал на боку безжизненной тушей, загораживая проход, – это какой же силы надо было заложить фугас, чтобы сотворить такое, и как они смогли его заложить? Не иначе как ночью, по-тихой...

Просрали...

Чуть дальше, в стороне стояла «Шилка», все люки у нее были открыты, и из раны в стальном ее боку, из открытых люков наружу взлетали, как фейерверк, трассеры – рвался боезапас. Еще дальше огрызалась погибающая, но не желающая сдаваться колонна, по ущелью полз тяжелыми, черными облаками густой соляной дым...

Ага...

Приняв поправки и в уме рассчитав только одну ему ведомую точку, Дух выстрелил – и в нескольких сотнях метров от него дух с гранатометом дернулся, как от удара током, выронил свое оружие и покатился безжизненным тряпочным мешком по горному склону. Ага! Значит, винтовка пристреляна как надо, и он попадает точно туда, куда и хочет попасть. Дух перенес прицел дальше, туда, где строчил по ненавистным шурави пулеметчик, до поры до времени укрытый вместе со своим напарником большим бурым покрывалом, под которым боевика на склоне не заметишь и с пятидесяти метров. Выстрел – винтовка привычно отдает в плечо – и дух вдруг замирает, обнимая свой внезапно замолчавший пулемет. Второй номер, подававший ленту, по глупости попытался вскочить – и рухнул рядом, поливая каменистый склон хлещущей из перебитой артерии кровью.

Выстрел – и дух, только что увлеченно целившийся в грузовик шурави из шайтан-трубы⁶, болезненно сгибается пополам, палец его в агонии нажимает на кнопку электропуска – и кудлатое черное облако разрыва встает над позициями духов.

Брызнуло в лицо каменным крошечком; Дух поспешно скатился на дно окопа «гнезда», стараясь не ударить обо что-то винтовку. Винтовка – это теперь его жизнь...

Перевернув на спину труп Кордавы, он обшмонал его и разжился четырьмя снаряженными магазинами к «СВД». Потом – дав выстрел наобум, не высовываясь, чтобы привлечь внимание снайпера и заставить его следить за амбразурами «гнезда», он сменил магазин, выскользнул из защищенного окопа, прополз несколько метров до соседнего валуна, затаился за ним. Потом снял каску и начал осторожно выдвигать ее с левой стороны валуна...

Бах!

Пуля взрыла почву левее от валуна, подняла фонтанчик земли. Он еще подвинул каску.

Дух стрелял из БУРа, он несамозарядный, ему надо перезарядиться, он промедлит и потеряет время. Где же он?

Бах!

Есть...

Он пихнул ногой каску – и та покатила по склону, уже продырявленная – все, что ему надо было знать, он узнал, увидел – по тому, с какой стороны попала и с какой стороны вышла из каски пуля. А в следующее мгновение далеко, в нескольких сотнях метров от него, безжизненно распласталась за валуном одетая в советскую военную форму фигурка. Интересно, где он взял эту форму, гаденьш....

Как бы то ни было – снайпера больше нет. А вот другие духи – есть. И он начал высискивать через дым новые цели...

* * *

Землянка, хоть и командирская – мало чем отличалась от землянок времен Великой Отечественной войны, будто и не прошло сорока с лишним лет с тех пор. Те же ступеньки на входе, выкопанные в земле при помощи лома, лопаты и какой-то там матери. Те же стены, обитые зелеными досками от снарядных ящиков. Буржуйка-поларис, сейчас ненужная – наоборот, жара, дешевый, купленный в дукане вентилятор. Только у стены в заботливо сколоченном ящике с крючками – не «ППШ» висят, а «АКС-74», да бухтит у стены магнитофон-радио, тоже купленное в дукане. На некоторых заставах есть видюшники, запитанные от стыренных танковых аккумуляторов, но здесь этого нет. Бедная застава.

---

⁶ Это самодельное оружие, которое начало применяться в Афганистане. Водопроводная труба с простейшим приваренным упором, простейший спусковой механизм с небольшим аккумулятором. Стреляет НУРСами, такими же, как стреляют вертолеты. А появилось это оружие потому, что мы афганцам передавали эти НУРСы – а афганцы пускали их на базаре налево и потом ими стреляли в нас.

За столом, тоже сколоченным из вездесущих зеленых досок, на перевернутых снаряжных ящиках – два офицера, оба голые по пояс от жары. Между ними – «зелененькая», бутылка «Московской» со сдернутой крышкой-кепочкой, буханка грубого, выпеченного в полевой пекарне хлеба, да две испорченные банки: одна с «красной рыбой» – килькой в томатном соусе, другая со сгущеном. В столешницу воткнут острый, как бритва, местной работы нож, кому надо отрезать хлеба – берет и отрезает... Стаканов – три, один стоит в стороне, почти полный и накрытый кусочком хлеба – тем, кто здесь остался. Кордаве, пацанам из колонны. Да всем, кого за восемь лет жестокой и бессмысленной войны забрала эта земля. Офицеры молча пьют. Закусывают...

– Много? – спрашивает Бивень, только выдохнув после очередного влитого в себя без закуси стакана. Ему хочется опьянеть – но он не пьянеет, только к глазам и к горлу подкатывает – а так он трезв. Болезненно трезв.

– Шестеро. Одного не довезли, – второй офицер, мрачный и загорелый до черноты, похожий на местного, задумчиво держит в руке стакан, да так, что нажми еще немного – и брызнут в стороны окрашенные красным осколки.

– А метлы?

– Повезло. Летун оказался опытный, майор, вторую ходку здесь – дотянул, посадил. Второй тяжелый – но жить будет. Могло и хуже быть. Четыре контейнера от «Стингеров» нашли.

– Могло...

И снова льется в глотку прозрачная, почти невесомая жидкость, обжигая нутро натошак, но не даруя спасительного беспамятства, пьяного бреда, где можно поплакать, можно выругаться, можно выплюнуть из себя гложащую изнутри боль. Они приговорили целую бутылку натошак – и они оба оскорбительно трезвы.

– Ты мне вот что скажи... Кто это у тебя Чингачгук тут такой?

Бивень недоуменно смотрит на гостя.

– Что за Чингачгук?

– Да так... С одного из постов духов изрядно проредили – почти целый сектор выбили и снайпера положили. Мои не поленились, промерили. Снайпера приговорили с девяти-сот метров, единственным выстрелом. С восьмисот загасили пулеметный расчет. Тоже два выстрела, оба точные. Положили нескольких гранатометчиков. В том секторе никого не вытащили, Бивень, как они это делают – потому что тащить было уже некому.

– Откуда?

– Где у тебя пацан лег.

Бивень покачал головой.

– Кордава, что ли? Так он же...

– Да нет, не Кордава... Там пулемет сбитый – его снайпер вывел из строя. Пацана твоего прямо в укрытии нашли, двухсотым – а после этого кто-то от валуна бил и жив остался – там гильзы. Кроме второго, пулеметчика твоего, – некому.

– Он же сопляк еще! Сколько он... да в последний приказ и прибыл!

– Кроме него – некому! – настойчиво повторил загорелый офицер. – Вот я и хочу познакомиться с твоим Чингачгуком.

Бивень тяжело, пьяно отдышался, потом изо всех сил забарабанил кулачищем по столу. Топая, в землянку влетел один из солдат-старослужащих...

– Это... как тебя...

– Гриденко, товарищ гвардии капитан! Ефрейтор Гриденко!

– Ты вот что, Гриденко... как того молодого, что с Кордавой сидел... ну...

Старослужащий почесал в голове, вспоминая – дух, он и есть дух, у духа нет имени, он просто дух. Хотя этот, кажется, по срокам уже слон, не перевели только.

– Баранов, что ли, товарищ гвардии капитан? – с сомнением в голосе сказал тот. – Он точно был там, где Резо лег, больше никому...

– Ну, вот и гони его сюда! Трассером!

– Есть!

Все знали: когда Бивень датый – связываться с ним нельзя, потом не расхлебашь. Даже старослужащие ходили по струнке в такие дни.

– У тебя дело личное на него есть?

– Какое дело, Паша, какое дело?! – Бивень обвел рукой нехитрый интерьер палатки, его уже начало схватывать, к глазам подступили слезы. – Вот смотри, все, что у нас тут есть. Нам, б..., пулемета лишнего дать зажимают, два трофейных пользуем. А тут...

– Расползлись мы что-то. – Гость поставил недопитый стакан на стол.

– Нет, ты мне скажи, какой п...р вот так погнал колонну, без разведки, безо всего! Какой, б..., п...р?!

– То она помогла бы!

На входе простучали по камням сапоги, оба офицера повернулись, рассматривая явившегося.

– Товарищ гвардии капитан, гвардии рядовой Баранов по вашему приказанию явился! – выдал молодой высеченную на скрижалях фразу представления.

Молодой как молодой. Неопрятный, форма не ушита, побритый плохо, нечисто – новые бритвы, конечно же, отобрали деды. Среднего роста, лопухий, белобрысый...

– Ты мне скажи, что произошло, Баранов? – начал Бивень.

– Стоп, Володя, – прервал его гость, негромко, но уверенно, – давай-ка я. В твоём секторе, рядовой, был выведен из строя пулемет. Когда это случилось?

– Ну... когда Резо... товарища Кордаву... там снайпер был, понимаете, товарищ...

– Расскажи мне про бой. К вам пришел Кордава, так. У него была снайперская винтовка, как и положено.

– Так точно.

– Дальше. Где был твой напарник?

– У пулемета, товарищ...

– А потом?

– Ну... отстреливался он.

Гость помрачнел.

– От кого отстреливался? От мандавошек? Я потом у этого бздуна ствол проверил – чистый, б...ь! Его около склада вашего ранило, шальной пулей. И как же он туда добежал за время боя? Отстреливался он, б...ь! Как бы ему кое-что не отстрелили потом, по приговору военного трибунала, за трусость! И поделом будет! Оставил пост и бежал, с...а! Рассказывай как есть!

– Ефрейтор Беленко оставил свой пост, – тяжело сказал Бивень, – мы это уже знаем. Вопрос в том, когда он его оставил, до начала боя или после. Рассказывай, рядовой.

– До, товарищ гвардии капитан, – понурился молодой, – сказал, по малой нужде отойдет и вернется скоро.

– Отошел, б...ь, – снова сказал гость, – лучше бы под себя нагадил, п...р. Теперь дальше – что было? Как бой начался?

– Я увидел людей в советской форме, внизу – понимаете, там точно советская форма была. Я товарищу... старшему сержанту сказал – а что это наши там у дороги. Он посмотрел через прицел и закричал – духи, к бою! Колонна шла уже. Тогда я к пулемету, я там вторым номером, но стрелять могу. А потом громыхнуло, я свалился вниз – смотрю, товарищ старший сержант... мертвый уже... голова разбита.

– Потом ты взял его винтовку и начал стрелять. Так? Да говори – ничего тебе не будет. По уставу, если твое оружие выведено из строя – ты был вправе и даже обязан взять оружие погибшего товарища и продолжать бой.

– Ну... так точно.

– Скольких завалил – знаешь?

– Никак нет.

– Семерых нашли. Ты мне скажи, молодой, ты где так стрелять научился? Эсведуха ведь не твоя штатная, ты вторым номером пулеметного расчета числишься.

– Ну...

– Докладывай как положено! – взвился Бивень. – Не запряг!

– Так точно, товарищ гвардии капитан, разрешите доложить! Я из Крыма, там у нас школа подготовки олимпийского резерва есть! Отец еще мой в тире работал, вот я там и учился стрелять!

– О как...

Гость с удивлением смотрел на молодого.

– А чо в военкомате не сказал, что стрелять умеешь?

– А никто и не спрашивал.

Бивень загнул матерную руладу на несколько этажей.

– А еще так можешь?

– Ну... винтовку если дадут, смогу.

– Тогда... возвращайся в казарму, – сказал гость, опережая командира, – и благодарю за службу, рядовой.

– Служу Советскому Союзу!

Когда рядовой смылся, Бивень очумело потряс головой – вот теперь ему пьяным быть не хотелось, но уже схватило.

– Бывает же...

– Да... и может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов советская земля рождать.

– Чего?

– Ничего. Ты наградные писать будешь?

– Да какие там наградные...

– Ну... колонну все же отбили. И заметь – потери для такой засады небольшие, и груз целым остался.

Бивень взял нож, отрезал ломоть хлеба, начал жевать.

– А чо везли-то?– наконец спросил он.

– Бабки... – усмехнулся гость.

– Бабки?! Какие бабки?

– Какие надо, такие и везли. Такие, что если бы душки их взяли – потом бы каждый до конца жизни на курорте жил. Да вот не взяли. Не спрашивай меня больше, капитан, – все равно не отвечу. И язык за зубами держи.

– Есть... Но это, что я напишу? Рядовой первого года службы, пулеметчик, взял снайперскую винтовку убитого товарища и восемь духов удвухсотил, в том числе снайпера. Да меня на галоперидол сразу же...

– Напиши на Кордаву. Геройски погиб, перед этим выбил целый сектор.

– Да...

Оба офицера не хотели смотреть друг на друга – дело мерзкое. Но с наградами был полный атас – для боевых зажимали, а один штабной полкан поехал гранатами рыбу глушить, бухой в сисю, кинул неловко, словил пару осколков в ж... И за это – «За службу Родине в Вооруженных Силах», с...а, вымутил. Штабные – подстилок своих наградами отмечали,

офицеры горько шутили, что пора новую медаль ввести «За половые заслуги». А тут... раз погиб, чем-нибудь да отметят. Это по понятиям – дело святое. Вон, двое, с пулеметами остались роту отходящую прикрывать, потом по кускам собирали – каждому по «Красной Звезде» кинули, посмертно, хотя по справедливости обоим – Героя.

– А Чингачгука твоего я забираю... – как бы впро-брос заметил гость.

– А ху-ху не хо-хо? – сказал Бивень. – Такая корова нужна самому.

– И не спорь. Взамен – весь твой бардак, со стариками, с поста бегаящими, – прикрою, накажешь сам. И представление твое протолкну, как смогу.

Делать было нечего.

– По рукам. Еще по одной?

– Да нет. Не стоит...

Гость по-прежнему был трезвый, хоть и выпил.

* * *

Гвардии старший сержант Резо Кордава за этот бой получил орден Боевого Красного Знамени – посмертно. Получил свой перевод и медаль «За отвагу» и рядовой Баранов – перевод в отдельную мотострелковую роту, базирующуюся в Джелалабаде. Как оказалось, под названием «отдельная мотострелковая рота» – где, кстати, вы видели отдельные мотострелковые роты в Советской армии – скрывался сто пятьдесят четвертый отдельный отряд специального назначения. У каждого в отряде должна была быть кличка, ну а раз Баранов пришел сюда духом, ему такую кличку и дали – Дух.

USNS Altair T-AKR 291 Navy forward operational base «Omega»

Винтовка, обмотанная зеленой, с бурыми пятнами клочкастой лентой и по всей своей длине покрытая специальным камуфлирующим и предохраняющим от ржавчины составом – так называемым Dura-Coat. Короткоствольный флотский автомат «Mk18mod1», нашедшийся здесь на судне с глушителем. Два пистолета – в отличие от остальных, упорно цеплявшихся за старый добрый «Кольт1911», он полюбил «Глоки» с тех пор, как они появились, и теперь таскал всюду с собой два почти ничего не весящих «Глок-35» под сорок пятый калибр – тот же самый «Кольт-Офицер», но весит в полтора раза меньше и тоньше, куда хочешь спрячешь. Два ножа – небольшой кинжал германского производства, очень прочный и хорошо сделанный, и складник от Al Mar.

Костюм «Гилли», сшитый собственноручно, – с ним он уже пятнадцать лет ходит. Три фляги с водой, большие, компас, рация, прибор GPS, кусок маскировочной сети, надувной «Джон» – его собственное изобретение, что-то вроде куклы, продающейся в секс-шопах, но представляющий собой не безмозглую блондинку, а изготовившегося к стрельбе снайпера. Подзорная труба шестидесятикратного увеличения, небольшой охотничий, куда более удобный и легкий, чем стандартный армейский, – лазерный дальномер. Ночной монокуляр на каску и батарейки ко всему этому добру.

Все?

Наверное, все.

Снайпер закрыл глаза, вспоминая...

Тили. Кинан. Саседо. Динкель. Мартинсон. Овьедо. Гринберг. Все они стоят и смотрят на него – как тогда. Получилось так, что из всех восьмерых только он один мог пользоваться фотоаппаратом, а поставить на задержку было невозможно, это была старая модель. Так и получилось, что на снимке их оказалось семеро, хотя в реальности их было восемь.

Первым стоит Тили, опираясь на свою здоровенную «M107» – никакого другого оружия он не признавал. С другого фланга присел Овьедо – этот, как всегда, улыбается, его «M21» с глушителем залихватски положена на плечо. Мартинсон держит свою «M4» с глушителем и оптикой – как Рэмбо. Остальные – между ними, просто стоят. Суровые, чем-то напоминающие фотографии тридцатых годов лица. Единственная их фотография – на которой нет только его. Снайперы не любят фотографироваться, это одна из дурных примет. Как показало будущее – она оправдалась.

Взвод прямого действия (разведывательно-снайперский), штабная рота двадцать второго экспедиционного Корпуса морской пехоты США. В живых уже нет никого. Это – если не считать его, ведь его нет на фотографии.

Я помню про вас. Семпер фи...

* * *

Снайпер поднялся в офицерскую кают-компанию судна, когда уже стемнело. На море поднималась качка.

– Сэр? – Миллер мгновенно сориентировался, набулькал в стакан виски на два пальца. Снайпер отрицательно покачал головой – не время и не место для алкоголя.

– Вертолет сумеет забрать меня сегодня?

– Думаю, что да, сэр. Качка не такая уж и большая.

– Хорошо. Тогда я подожду его снаружи.

Офицеры проводили взглядом снайпера – в его присутствии каждый из них чувствовал себя неудобно. Почему-то так получалось, что снайперы всегда были изгоями даже среди своих. Они не воевали – они вели личный счет, хладнокровно переправляя врага в мир иной. Современная война предполагает, что большей частью ты не видишь противника, которого уничтожаешь. Ты просто мчишься на высоте десять тысяч на самом лучшем в мире самолете компании «Локхид» или «МакДонелл Дуглас», ты смотришь на экран, видишь точку, которой обозначается цель, подводишь к ней маркер и нажимаешь «огонь». Самолет слегка вздрагивает, когда от него отделяется бомба или ракета – и ты мчишься дальше. Или свои парни, попавшие в переделку где-то впереди, километрах в сорока от тебя, дают координаты цели – и ты накрываешь ее из лучших в мире гаубиц «М777», которые могут бить на сорок с лишним километров. А офицеры в современной армии – это не более чем менеджеры, ведь современный бой – это не столкновение двух увидевших друг друга диких орд с саблями и мечами. Для того чтобы твой солдат вошел в соприкосновение с противником, который в последнее время представляет собой не солдата другой регулярной армии, а нищего, завшивленного ублюдка из какой-нибудь Затрахандии с китайским автоматом «АК-47» в руках и полотенцем на голове – нужно сделать чертову тьму дел. Надо этого солдата найти, завербовать в армию, обучить, доставить к месту боя, разместить, обеспечить ему биотуалет, мобильный Интернет, полевой супермаркет и соблюдение его гражданских прав. Нужно разведать местность, чтобы различить, где находятся «те самые ублюдки» – а где просто крестьяне, выращивающие опиумный мак, нужно согласовать боевую операцию с кучей инстанций – и только потом она начинается. А потом еще нужно получить по заднице, если твои солдаты случайно снесли какой-то дом, откуда в них шмалял снайпер – а потом оказалось, что там нет никого, кроме бабы с детишками, и теперь все они дохлые. В общем и целом война сейчас – это чертовски сложная и дорогостоящая забава.

А вот снайпер – он решил пойти туда, потому что ему попала вожжа под хвост, и он пойдет туда, и завалит этого чертова Духа, который наделал столько дел, что специально под него выделена оперативная группа на уничтожение, и два беспилотника «MQ-1 Predator», сменяя друг друга, дежурят над Крымом, имея только одну задачу – выследить и уничтожить этого проклятого Духа. Дважды казалось, что это получилось сделать, пока не гремели новые выстрелы.

Старший офицер на «Альтаире», подполковник морской пехоты США Дэвид Холл, одним плотком добив свой наполненный колотым льдом стакан, кивнул Миллеру, отошел к иллюминаторам. За иллюминаторами волновалось стремительно темнеющее море, по волнам уже бежали белые барашки, и капитан развернул вспомогательными двигателями судно носом к ветру, чтобы качка не была в борт.

– Сэр?

– Сделал?

– Да, сэр.

– Хорошо. Он хочет идти один?

– Да, сэр.

Подполковник покачал головой.

– Этот парень сумасшедший. На всю голову. Идти без прикрытия...

– Да, сэр... Но если кто и сумеет достать Духа, так это он, сэр. Я так считаю. Он из старой гвардии, из настоящих, на которых мы учились равняться на Пэрис-Айленд.

Подполковник взглянул на Миллера.

– Возможно, вы и правы.

– Сэр... Сколько уже... ну, этот Дух, какой у него счет, вы знаете?

– Тридцать семь...

* * *

Вертолет пришел вовремя – волнение на море было неслабым, да и вертолет был сухопутным и над морем летать ему было непривычно, – но сто шестидесятая эскадрилья специального назначения держала марку. Это был «АН-6 Night Stalker», маленький ночной проныра-убийца, вооруженный тепловизором и двумя пулеметами «Миниган». Сейчас один из пулеметов был снят, а вместо него была поставлена транспортная скамейка с пристяжными ремнями, на ней можно было перевезти троих, но сегодня предстояло везти только одного.

Маленький «АН-6» завис над палубой корабля, его лопасти поднимали ветер, заставляя стоящих на палубе офицеров морской пехоты пригибаться. Ослепительно светил прожектор, фигуры стоящих людей отбрасывали длинные тени на палубу.

– Сэр!

Снайпер обернулся.

– Удачи, сэр! Сделайте его!

Ничего не отвечая, снайпер закрепил на покачивающемся вертолете свое снаряжение, потом уселся сам, пристегнулся привязной системой, хлопнул по плечу второго пилота и показал большой палец. Погасив прожектор, вертолет прыгнул вверх, в беспокойное черноморское небо...

– Все, джентльмены, завтра до черта работы! – распорядился подполковник. – Всем, кроме дежурных, в койку! С палубы всем уйти, кроме дежурных, – возможен шторм. Толеман, удвоить посты.

– Есть, сэр.

Подполковник взглянул в небо, где затухал почти неслышный уже рокот вертолетных лопастей...

– Да... Если кто-то и сможет сделать этого сукиного сына – так это только он.

* * *

Почти все южное побережье Крыма представляет собой горный склон – горы, причем довольно высокие и во многих местах поросшие лесом, спускаются в некоторых местах к самому побережью. Места это труднопроходимые, дороги идут по самому побережью, и получается так, что по побережью идет сплошная, очень заселенная курортная полоса. Тут находились дачи царской семьи, когда Россия была единой и была монархией, тут же находились дачи генеральных секретарей ЦК КПСС, когда был СССР. Тут же рядом с ними была цепь поселков и санаториев – в советские времена каждое крупное предприятие получало здесь землю и строило санаторий. Теперь, после резни, здесь жили только татары, причем часть жила здесь, в брошенных прежними хозяевами домах, а часть жила в горах и убивала миротворцев. В результате боевых действий многие дома были разрушены, а дороги во многих местах обрушены, чтобы помешать перемещениям террористов. Это было очень опасное место для вертолетов, потому что из застройки в любой момент по ним могла взлететь граната или ракета, мог и отработать «ДШК».

«Ночной Сталкер» сто шестидесятой эскадрильи скользил у самой поверхности воды, ориентируясь на свечение вдалеке, на берегу. Все-таки находились сумасшедшие, которые здесь жили, и права свободного огня по ним не было.

Экипаж «Сталкера» состоял из двух человек, и обязанности между ними были распределены давно: летали здесь уже больше года. Слева – пилот, справа – ганнер, ищущий цели, уничтожающий их и предупреждающий пилота об опасности. Их неоднократно обстрели-

вали, но ни разу не сбивали – вертолет был маленький и тихий, летающий только по ночам, а попасть на звук в него было почти невозможно.

– Прими левее. Неопознанные цели на берегу, – сказал ганнер, прижавшийся лицом к большому экрану терморадара.

– Вооружены?

– Кажется, да. Но ничего опасного.

– Принял, иду левее...

Темная гладь воды под полозьями вертолета сменилась хаотичным безумием оттенков серого и черного.

– Прошли береговую черту!

– Принял, веду наблюдение. Цели справа, они нас не видят. Одно транспортное средство.

Будь это охота... можно было бы подкрасться и врезаться из «Миниганов»... каждый, кто с оружием ночью, – законная цель. Но – нельзя.

– Пять кликов до зоны высадки! Новембер-эхо!

– Принял!

Пилот постучал по боковому блистеру – там сидел снайпер, летя словно птица, без малейшего прикрытия, на открытой скамье, свесив ноги в пропасть. Пилот показал на пальцах – пять, и снайпер показал в ответ большой палец.

– Неизвестный источник тепла по фронту. Предлагаю обойти с юга.

– Принял!

* * *

Маленький, лупоглазый, смертельно опасный вертолет завис над голой площадкой, скала была покрыта лесом, он завис в воздухе на мгновение, а потом резко пошел вниз, на посадку.

Снайпер отстегнулся и прыгнул вниз, примерно с метра, забрав с собой и объемистый рюкзак. Вертолет заметно качнуло – даже один человек сильно влиял на его развесовку.

– Есть десантирование, – сказал стрелок для записи.

– Подтверждаю, десант сброшен. Взлетаем...

Сильно полегчавший вертолет, выработавший больше трети топлива и освободившийся от ста шестидесяти килограммов груза, стрекозой прыгнул вверх и в сторону – если бы инструкторы увидели такое «творческое пилотирование» в кромешной тьме и в нескольких метрах от крон деревьев – с ними бы случился инфаркт. Но по-другому здесь и не бывало...

* * *

Снайпер лежал все время, пока негромкий шум вертолета не растаял в ночной тиши, а потом он лежал еще полчаса, прислушиваясь и присматриваясь, как дикий зверь. Устав предусматривает немедленное покидание зоны высадки после приземления – но опыт подсказывал ему совсем другое. Только убедившись, что вокруг все тихо, никто ничего не заметил – он поднялся. Снайперскую винтовку – она была заряжена, патрон дослан в патронник – он распаковывать пока не стал, приторочил к себе на спину в кофре. Первым делом он собрал автомат – короткий и удобный, когда он только начинал, такие автоматы давали массу задержек, сейчас их почти нет, прицепил глушитель, прицел. В лесу со снайперской винтовкой не набегаешься, он достанет ее, только когда увидит цель.

Накрывшись специально вырезанной накидкой из маскировочной сети, он встал чуть пригнувшись, проверяя в памяти, не забыл ли чего. Кажется, нет, не забыл.

Ах, да, это...

Снайпер достал рацию, перевел ее в тоновый режим, несколько раз отстучал нехитрую комбинацию. Ему было все равно, услышит ли его тот, за кем он пришел, или нет. Просто правила джентльменской игры требовали предупредить о своем присутствии, и он это сделал. Если кто-то не слушает эфир – то это его проблема.

После чего снайпер углубился в лес, направлением – ноябрь-виски.

* * *

– Сэр, фаза-один завершена. Странник уходит с Лима-зулу один⁷, направление на ноябрь-виски. Все штатно.

Подполковник Холл прижал кулаками уставшие глаза. Он отпахал здесь без сменщика почти два срока, и его все бесило, сказывалась психологическая усталость.

– Продолжай наблюдение, докладывай.

– Да, сэр.

* * *

Где-то в районе крымского Большого каньона, прикрывшись искусно сложенным укрытием из валунов, лежали двое, они лежали как мертвые, не шевелясь, только один из них спал, восстанавливая силы после двадцати километров пути предыдущего дня, второй же – лежал и слушал. В одном ухе у него был наушник – он слушал эфир, в другом – ничего не было, он слушал им ночную тишину, пытаясь расслышать в бархатной фонограмме ночи хоть одну чуть фальшивую ноту. Несмотря на молодость, этот был достаточно опытный, он выжил во время второй чеченской, немалое время «шерстил» зеленку в Дагестане, и при этом оставался в живых. Но и его опыт не шел ни в какое сравнение с опытом того, кто спокойно спал рядом, – у этого за плечами были Афганистан, Нагорный Карабах, Приднестровье и Косово.

Странная комбинация, прозвучавшая в эфире, встревожила молодого. Он не знал, что она означает, но это не было случайностью, неизвестный повторил одну и ту же комбинацию пять раз. А непонятная случайность на твоём пути – первый шаг к смерти.

– Товарищ подполковник... – негромко сказал молодой.

В *организации* к каждому принято было обращаться так, какое у него было звание. Но как прикажете обращаться к гвардии ефрейтору Советской армии, подполковнику армянской, майору приднестровско-молдавской и майору сербской специальной полиции? Тем более если это все – один и тот же человек?

Решили по самому старшему званию – в знак уважения. Тем более – этот человек и впрямь заслуживал уважения.

– Докладывай, – так же сказал, без малейшего промежутка времени спящий, как будто он и совсем не спал.

– Товарищ подполковник, я какую-то странную комбинацию в эфире услышал. Как чечетку отбивали. Несколько раз одно и то же.

– И что за комбинация?

– Два-два-три – и потом длинный. Четыре раза так.

---

⁷ Landing Zone 1 – зона высадки один.

Подполковник молчал.

– Товарищ подполковник, что это? – прервав молчание, спросил молодой.

– Это... Это очень хреново. Кое-кто пришел за нами.

**Далекое прошлое
1993 год
Сомали, дорога на Байдоа
2nd Battalion, 9th Marine Regiment,
MEUSOC element, BLT 15th MEU
UNOSOM II**

Пыльная, ухабистая, разбитая дорога мерно уходила под брюхо «УН-1», старого доброго «Хью», воздушного транспорта морских пехотинцев вот уже добрых три десятка лет. Дорога шла по местности, где почти ничего не росло, – она шла от деревни к деревне. Все деревни на этой дороге были похожи одна на другую – нищие халупы с земляным полом, часто сделанные из разнокалиберных обломков погибших кораблей, куски от которых можно набрать на берегу, изъеденные ржавчиной. Если посмотреть на карту, то большая часть страны – это просоленная пустыня, где ни черта не растет, только у берега есть зеленые оазисы. В деревнях полно старых, ржавых машин – сержант Маркс говорил, что он своими глазами видел «Фиат» тридцать третьего года, и с виду он был даже на ходу. Бензина нет, и все, кто ездят по этим проклятым дорогам, – это конвой с гуманитарной помощью да вооруженные бандиты. Сержант Оливер Нули, наблюдатель, прибывший в Сомали с миротворческой миссией, просто не мог понять – а чем эти люди питались до того, как сюда пришли миротворцы, чем они зарабатывали на жизнь. Ведь должны же люди на что-то жить, и страна тоже должна на что-то жить, правда?

Сомали, по сути, никогда не была единой страной, выделялось британское Сомали и итальянское Сомали. Народы, жившие в этих частях Сомали, тоже были во многом разные, наверное, было бы глупо объединять их в одно государство. Но тем не менее – объединили, когда Европа покидала Африканский континент, на такие мелочи особо не обращали внимания, есть Сомали, и все.

Страна прожила мирно примерно тридцать лет под властью марксиста, генерала Мохаммеда Сиада Барре. Ловилась рыба, была какая-никакая промышленность. А началось все в девяносто первом, когда племенные ополчения с севера страны и группа генералов свергли генерала Барре, а потом передрались между собой.

ООН начала операцию «Возрождение надежды», основой которой был порт Могадишо – один из ключевых портов на восточном побережье Африки, хорошо оборудованный, он способен был переваливать огромное количество грузов, а переваливал только гуманитарную помощь, ее привозили на морских судах, разгружали, учитывали и отправляли конвоями в глубь страны. Эти конвои были лакомым куском для всех видов банд, расплодившихся во множестве после того, как власть рухнула. А власть рухнула, это было не так, что на смену одному генералу-диктатору пришел другой генерал-диктатор, это было именно обрушение власти, война всех против всех. Источников пополнения казны у группировок не было, здесь невозможно было выращивать ни опиумный мак, ни коноплю – поэтому единственным источником дохода было разграбление миротворческих конвоев. Продовольствие (и сами машины зачастую) изымалось и не передавалось, а продавалось местным жителям, или частично передавалось, но только своему клану. Армия и полиция разбрелись по кланово-племенному признаку, в армейские части вливались ополчения из того же племени, получались огромные банды, они передвигались на внедорожниках и пикапах, на которых были установлены снятые с боевой техники пулеметы. Рельеф местности диктовал именно

такой стиль войны – стремительный налет, огонь и отход, что-то вроде моторизованных тачанок, которые применялись и в городах.

Самым сильным был клан хабр-гадир, его возглавлял учившийся в Москве генерал сомалийской армии Мохаммед Фарах Айдид. Он контролировал Могадишо, и ему тоже нужно было продовольствие для своего воинства и клана.

Напряженность нарастала в течение всего девяносто третьего года; сначала в Сомали работали частные подрядчики, охраняя караваны с продовольствием, потом ООН была вынуждена ввести миротворческий контингент из пакистанцев, потому что банды грабили сразу порт, не дожидаясь выхода конвоев. Потом в стране появились еще миротворческие подразделения, в том числе американские. Напряжение между сторонами начало нарастать, потом двенадцатого июля девяносто третьего американский вертолет «Кобра» с вертолетоносца ударил по дому, где должен был быть генерал Айдид, высадил по нему восемь ракет «Тоу» и весь запас снарядов, – а в итоге погибли шестьдесят женщин и детей. Этот инцидент окончательно определил симпатии простых сомалийцев, теперь они ненавидели миротворцев, которые распространяли продовольствие и боролись с летучими бандами, и поддерживали бандитов генерала Айдида. Сам генерал Айдид скрывался, взять его было непросто, хоть это пытались сделать и не раз. Уже были потери.

Вертолет, на котором сейчас летел сержант Нули и еще несколько морских пехотинцев, был обычным дневным патрулем, он патрулировал дорогу на Бадойа, город в глубине страны, примерно в двадцати километрах от Могадишо. Вертолетные патрули оказались самым эффективным оружием в борьбе с моторизованными бандами, а обычные вертолеты с пулеметами и снайперами использовали потому, что «Кобры» использовать запретили. Считалось, что у бортстрелков и снайперов – больше возможности по опознанию цели, да и меньше возможности угробить целый дом одной ракетой, откровенно говоря. Короче – скальпель вместо топора.

Вертолет был переоборудован специалистами по подобного рода операциям на борту десантного вертолетоносца «Триполи», болтающегося на рейде Могадишо, в канонерский вариант; для этого по правому борту установили «GAU-21» с коллиматорным прицелом, подобным тому, какой в свое время устанавливался на бомбардировщиках. Пулемет вел огонь через открытый люк правого борта, штатный «М60» с правого борта сняли. Экипаж вертолета помимо двух пилотов составляли три человека – хэвиганнер, то есть стрелок из бортового пулемета, и два наблюдателя, один из них был вооружен пулеметом «М60Е1», второй – однозарядной винтовкой «RAI-500». Правила проведения миротворческой операции требовали открывать огонь только в ответ – но иногда это правило нарушалось, потому что если под тобой внедорожный пикап, в кузове которого установлен «ДШК», – у тебя на принятие решения есть несколько секунд, а если стрелок «ДШК» откроет по тебе огонь первым с расстояния в несколько десятков метров – шансы выжить стремятся к нулю. Поэтому, заметив вооруженные машины, стрелки обычно просто открывали по ним огонь.

Патрулирование толком еще не началось, они недалеко отлетели от Могадишо, внизу были люди. Много людей, они просто шли по этой пыльной дороге в свои селения, неся на спине то, что удалось раздобыть в городе, чаще всего это была гуманитарная помощь, рис и типичное для Африканского континента сорго. Куда реже попадались повозки, запряженные тощими, костлявыми осликами, – ослов надо было кормить, а есть было нечего и самим, ослы считались признаками богатства. Ехали и машины, но совсем редко – чаще всего японские, старые, разбитые, с наращенными бортами, перегруженными сверх всякой меры.

Хэвиганнер, сержант Рик Бирмингем, от нечего делать затянул старую добрую «Красотку Мэри», поскольку каждый член экипажа был подключен к внутренней радиосети вертолета – слышали это все. Оптимизма это не добавляло – скорее наоборот. Когда они только входили – проблем найти компанию для американского морского пехотинца не составляло,

но вот совсем недавно при обследовании у двух парней обнаружили СПИД. СПИД на Африканском континенте вообще был большой проблемой, от него в будущем могли вымереть целые страны. Конечно, все они ходили в увольнительные, но при этом соблюдали осторожность, а эти придурки... мало того, что себе жизнь загубили, так и всех остальных подвели под монастырь. Оба были белыми... тexasские маменькины сынки, попавшие в страну, где за пару долларов можно обеспечить себя компанией сразу из нескольких телок, и... обеспечили. Теперь увольнительные запретили.

– Эй, хэвиганнер. Может, заткнешься? – прозвучал по связи голос майора Тома Нуссио, первого пилота.

– Сэр, вам не нравятся старые добрые американские песни в стиле кантри? – осведомился хэвиганнер.

– Нет, парень, мне не нравится твое исполнение. От него хочется завывать на луну. Лучше обрати внимание на селение, там два дня назад обстреляли конвой. Я собираюсь сделать круг, а ты посмотри, что там к чему.

– Есть, сэр! Так точно, сэр!

– И всем остальным тоже повнимательнее...

Вертолет отклонился от курса, пошел по дуге, чуть набирая высоту. Было видно, что в селении жизнь замерла, все бросились с улиц.

– Эй, кажется, эти парни нас боятся, Нули! – крикнул хэвиганнер, он любил доставать новичка по поводу и без. Это не значит, что у него был мерзкий характер, просто ему надо было на ком-то оттачивать свой острый язык.

– Да, сэр! – крикнул Нули, придерживая пулемет. Работы у него пока не было, это не трасса. Поэтому он просто сидел, придерживая в коленях пулемет.

– Парень, расслабься! Мы над Диким Западом!

– Для Дикого Запада тут слишком много ниггеров! – крикнул второй наблюдатель, капрал Бретт Перкинс. Сам черный как смоль, родившийся в Нью-Йорке, в скверном районе, он больше других ненавидел эту страну и ждал, пока сможет вернуться из этой командировки. У него был календарь, он держал его в укромном месте и отмечал дни, протыкая их булавкой.

– Эй, парень, да это же твои предки!

– Я сильно сомневаюсь в этом, сэр. Просто мой папаша сильно загорел на солнце, понимаете, в чем дело.

– Ха-ха-ха...

Смех сменился хрипом, они даже не услышали выстрелов, но сержант Бирмингем вдруг навалился на пулемет, выхаркивая кровь, а через секунду пули хлестнули и по пилотской кабине.

– Твою мать!

Вертолет трянуло, ощутимо запахло дымом.

– Где он? Вы его видите? Видите?!

Нули не мог смотреть, вертолет шел с креном влево, в его секторе обзора было только небо, и он понимал, что если сейчас отстегнется, то, скорее всего, вылетит в распахнутый люк десантного отсека. Первый прыжок – он же последний.

– Не вижу, парень!

– Из деревни бьют! Пулемет бьет из деревни!

Вертолет, так и не выправив крен, пошел от деревни, выходя из зоны огня. Бурая сомалийская земля, проносясь в распахнутом десантном отсеке вертолета, превращалась в смазанную полосу, на которой нельзя было ничего разглядеть. Вслед вертолету летели пули.

– Всем, кто меня слышит, всем, кто меня слышит. Я Красноногий-два, подбит над деревней, семью километрами западнее Могадишо, снижаюсь!

– Сэр, у нас утечка в гидравлике! Мы не дотянем!

Вертолет трясло, хорошо хоть пока не разворачивало, хвостовой винт не был задет, но турбина шла вразнос. Гарью пахло все ощутимее.

– Сажаю вертолет!

Из последних сил раненый майор Нуссио вытягивал вертолет, пытаюсь погасить скорость и найти более-менее нормальную площадку. Ни то ни другое до конца сделать не удалось, вертолет плюхнулся у подножья невысокого холма, плюхнулся на лыжное шасси, пропахал несколько метров и остановился. Передние стойки шасси сломались, и пару метров они проехали носом. Туча пыли, поднятая при падении, скрыла происходящее от посторонних глаз...

* * *

Сержант Оливер Нули пришел в себя первым – посадка была жесткой, и он потерял сознание, но пришел в себя почти сразу – кресло и привязная система спасли от серьезных травм. Вертолет стоял на земле непривычно криво, оседала поднятая ударом пыль, лопасти несущего винта еще вращались...

Надо выбирать...

Отстегнувшись, он первым делом поднялся, *почувствовал себя* – похоже, ничего не сломано. Кто-то застонал впереди, сержант на коленях пополз туда.

Это был капрал Перкинс, его едва не выбросило из вертолета, но он как-то удержался. Сейчас он был серым – и не от пыли, а от боли...

– Что с тобой?

– Оли... – капрал попытался подняться и не смог, – черт... Кажется, здорово приложило...

Капрал не пристегнулся. У пулеметчика было кресло жесткое и неудобное, но все лучше, чем свернуть себе шею. А может быть – он отстегнулся, пытаюсь помочь сержанту Бирмингему... помог.

– Ты можешь двигаться?

– Кажется, нога... и что-то не то со спиной.

– Подожди. Сейчас...

Аптечка была прямо в десантном отсеке, большая белая коробка с красным крестом. Едва не рассыпав ее, сержант Нули начал оказывать помощь, от вида пропитанной кровью штанины становилось дурно. Он не был полевым фельдшером, его учили оказанию первой помощи, но манекен – это одно, а старина Перкинс, с которым ты пил кофе утром, – совсем другое.

– Двигай на холм... – кривясь от боли, сказал Перкинс. Хоть он и был младше званием – но служил он тут в несколько раз дольше, чем Нули, и совет его был не лишним.

– Что?

– Двигай... на холм... меня не трогай... они придут сюда и добьют нас. Уже идут... вся округа сбежится. Иди, давай.

Сержант посмотрел, что с Бирмингемом. Пуля попала прямо в горло... один, но чертовски точный выстрел... не-ужели снайпер? А почему бы и нет, они шли кругом, поправки считать намного проще...

– Оли...

– Сейчас, посмотрю, что с пилотами.

– Торопись... подштанники Мэгги. Если займут холм до тебя – убьют.

Кто-то сунулся в десантный отсек, Нули повернулся, выхватывая пистолет.

– Э! Это я! Не стреляй, это я.

Это был лейтенант первого класса Вильямс, Майк Вильямс, второй пилот вертолета.

– Ты в порядке?

– Я – да, а вы, сэр?

– Нет. Кажется, что-то с лодыжкой.

– Надо выбираться...

– Иди, занимай позицию. Я позабочусь о майоре и Перкинсе. Двигай, как можно быстрее! Увидишь конвой, дай знать.

– Рация, сэр...

– Рация разбита, парень. Я сейчас зажгу шашку, может, кто-то и увидит. Иди, занимай оборону, быстро! И дай мне огнетушитель на всякий случай. Он там у тебя...

Огнетушитель сорвало с креплений, сержант подобрал его, передал вперед.

– Сэр, мы должны оставаться вместе.

– Ни хрена... – лейтенант скривился, – мы не удержим эту позицию! Бери винтовку... и свой пулемет. Бери винтовку, без винтовки ты их не остановишь!

Подчиняясь крику лейтенанта, сержант первого класса Нули взял тяжеленную однозарядную винтовку. В боевом положении она ложилась в специальный держатель, который был установлен вместо пулеметного крепления, сейчас ее отшвырнуло, черт знает что там с прицелом – но это ведь крепкая и простая винтовка, полностью сделанная по армейским стандартам... может быть, все в норме.

– Возьми патроны... отстегни ленту от пулемета.

Пулеметную установку покорежило, сорвало с крепления – если бы даже Бирмингем не умер от снайперской пули, ему бы изрядно от этого досталось.

– Может, вам оставить пулемет, сэр?

– На кой он... нужен. Я прикинусьдохлым, если что... у меня автомат и несколько пистолетов. Иди.... Быстрее.

– Удачи, сэр.

– Удачи тебе, сержант.

* * *

То, что он тащил на себе – пулемет, четыре ленты к нему в рюкзаке, тяжелая снайперская винтовка, авиационный короб с патронами пятидесятого калибра, – в сумме вытягивало килограммов на семьдесят. Если не больше. Склон был достаточно крутой, но подняться по нему можно было, если идти террасами и цепляться за каждый куст кустарника, который на нем рос. Кустарник был жесткий, неплодоносный, когда его бросали в костер, он сгорал почти сразу же и мало давал тепла. Говорят, при римлянах здесь были плодоносящие уголья... но с тех пор прошло много времени, и угодий больше не стало из-за варварской эксплуатации земли. Землю уничтожали козы... местные жители не могли позволить себе держать коров и разводили коз, они были куда неприхотливей в еде, могли забираться даже на деревья, чтобы обгрызать листья, и давали молока как раз столько, чтобы питаться одной семье. Но козы повреждали корни растений, в отличие от крупного скота, они могли превратить пастбище в безжизненную пустыню всего за несколько лет.

Хрипя, пыхтя, задыхаясь в пыли, он выполз на вершину, увенчанную камнем как раз вовремя, чтобы увидеть. Со стороны деревни, с той стороны, где их сбили, резко пылили три машины, японский белый пикап с «ДШК» в кузове, еще один внедорожник... кажется «Лэнд Ровер», и небольшой грузовик, в кузове которого были вооруженные боевики, не меньше десятка. До них было примерно километр с небольшим, и они быстро приближались.

Посмотрев в другую сторону, там, где была дорога, – сержант похолодел от ужаса. Дороги не было, ее не было видно. Это значит – они отклонились от обычного маршрута

патрулирования, ушли куда-то в сторону, и ушли настолько сильно, что теперь не видно даже дороги. Значит – им нет смысла рассчитывать на помощь одного из конвоев ООН, проходящих по этой дороге, да и воздушные поиски начнутся в первую очередь по маршруту их следования. На быструю помощь рассчитывать не стоило, был смысл рассчитывать только на себя.

Сержант бросил пулемет, упал сам рядом, прилаживаясь к винтовке. Эта винтовка была изготовлена для Корпуса морской пехоты США в конце семидесятых – взрывать морские мины. Сейчас в некоторых группах были «Барретты», но их не хватало, и приходилось пользоваться этой старой, но крепкой однозарядкой.

Отдача была неожиданно сильной, винтовка ударила в плечо, а сам он едва не заработал «отметину идиота» – ушиб брови, когда слишком близко приближаешь прицел к лицу, так близко, что он бьет тебе в бровь при выстреле. У шедшей первой «Тойоты» вздыбился от удара капот, ударил вверх столб кипятка и пара из пробитого радиатора, машина остановилась, а следом за ней остановились и остальные, потому что здесь была тропа, по которой могла пройти машина, но сходить с нее было опасно.

Боевики хабр-гадир – сельское племенное ополчение, самые опасные в стране, – прыгали с машин, стреляли из автоматов, но было слишком далеко, да и стреляли они длинными очередями, особо и не целясь, так что вероятность попадания в залегшего морского пехотинца исчислялась знаками после запятой. Слева уже плыл зеленый дым, лейтенант выбросил дымовую шашку, и она щедро дымила, извещая всех о беде. Регион контролировал разведывательный самолет ВМФ США «Нептун», они сменяли друг друга, как на конвейере, и рано или поздно зеленый дым будет замечен, информацию о том, что их подбили, они успели передать по связи. Вопрос в том – как быстро смогут подняться спасательные вертолеты и как быстро они найдут их.

И будет ли к тому моменту здесь кто-то живой.

Затвор вывалился из ствольной коробки вместе со стреляной гильзой, здесь магазина не было, гильза вставлялась в зеркало затвора в специальные пазы – никто не думал, что эта винтовка будет использоваться в качестве снайперской, никто не думал о скорости перезарядки. Нули попытался выковырять патрон из пулеметной ленты, это у него не получалось, выругавшись, он выхватил нож, чтобы добыть-таки злополучный патрон – и в этот момент «ДШК» открыл огонь.

Вы когда-нибудь были под огнем крупнокалиберного пулемета, пусть даже с тысячи с лишним метров? Если нет – вряд ли у меня получится описать, что это такое. Каждая пуля, попадая в землю, поднимает целый фонтан земли, она ее раскалывает, и земля получается твердой, как град, и все это летит в тебя. Если пули бьют по камням – то они раскалываются на острые осколки сами и раскалывают камни. Или откалывают от них куски с острыми, режущими краями, и эти куски разлетаются во все стороны, попадая в том числе и в тебя самого. И лучше не знать, что может сделать с тобой прямое попадание пули крупнокалиберного пулемета: такие пули пробивают человека насквозь и отрывают конечности. У «ДШК» относительно невысокий темп стрельбы, он солидно басыт, вырываясь из рук, и прицельный огонь из него можно вести только короткими очередями. Но, все равно, – первой же очередью пулеметчик хабр-гадир выпустил больше десятка пуль, и все они взрыли землю рядом с сержантом первого класса Нули, а одна из них ударила в камень за его спиной, не отрикошетила, но разорвалась и отбила от камня немало осколков. Один из этих осколков попал сержанту, кое-как добывшему патрон, в спину, аккуратно в позвоночник, он задохнулся от боли, потемнело в глазах – но все равно, усилием воли, он доделал работу до конца – закрепил патрон на затворе, вогнал его в винтовку, закрыл и выстрелил. Пикап, дульное пламя бормочущего в километре от него пулемета было видно как сквозь кровавую пелену, мелькнула мысль, что теперь он инвалид. Но он все равно прицелился и выстрелил, потому

что, кроме него, есть экипаж – люди, которые были с ним, и сейчас он единственный, кто способен защитить место падения вертолета от наступающих боевиков. Удар приклада отозвался новой волной боли, но ему было все равно, потому что он увидел в прицел, как тяжелая пуля калибром в полдюйма угодила аккуратно в турель и свалила и пулемет, и пулеметчика.

– Ага! Получите! Вот вам!

От избытка чувств он вскочил – и рой пуль заставил его броситься обратно на землю. Только когда он снова упал – он вдруг понял, что он *вскочил на ноги*. А это значит, что никакого повреждения позвоночника нет, и пусть ему чертовски больно – все равно он еще *сражается*.

Пулемет привычно лег в плечо – и он начал бить короткими очередями по перебегающим фигуркам. Расстояние для пулемета все же было великовато, больше километра – но пулеметный огонь боевики не ожидали и залегли.

– Ублюдки!

Оставив пулемет и схватив нож, он быстро выковырял еще несколько полудюймовых патронов из ленты – когда есть навык, делать это куда легче. Перезарядил винтовку и выстрелил, затем еще раз. Второй выстрел остановил пытавшийся отойти «Лэнд Ровер», боевики стреляли очередями, пытаясь нащупать его, пули ложились по склону, поднимали фонтанчики земли – но ни одна не попала в него, он был как заговоренный, стреляя то из винтовки, то из пулемета, он не давал боевикам подобраться ближе.

А потом – «ПК» ударил сзади, оттуда, откуда он не ожидал. Он повернулся и увидел – еще один японский пикап зашел с тыла, оттуда, откуда он совсем не ожидал, там было несколько боевиков, вооруженных автоматами, гранатометами и пулеметом, они открыли огонь разом, и до сбитого вертолета было не больше ста метров. Пройти эти сто метров – на машине это несколько секунд – и вот они, американские заложники, торгуясь за которых можно выторговать очень многое, в том числе освобождение ранее захваченных лидеров боевиков. Он только что перезарядил пулемет, свежая лента-сотка была запровлена в него, перезарядить винтовку времени не было. Не слыша шума винтов за спиной, не обращая внимания на градом летящие пули, сержант встал на колено и открыл огонь одной бесконечно длинной очередью. Пули летели навстречу ему, бились о склон, высекали искры из валуна, с визгом рикошетировали. А потом ракета «РПГ» лопнула сгустком пламени, расколовшись об валун, и поток осколков сбил американца с ног. Но дело свое он сделал – защитил место падения до подхода помощи. Нашедшие место катастрофы по дыму «Кобры» пошли в атаку – и подобравшийся близко белый пикап с боевиками исчез в разрывах 2,75-дюймовых ракет «Hydra-70», огонь скорострельных пушек довершил разгром. Оставшиеся в живых после атаки боевики хабр-гадир удирали с поля боя бегом, машин у них уже не было – а два вертолета морской пехоты с эвакуационной группой уже спешили к месту боя.

* * *

Сержант был ранен достаточно тяжело и провалялся в госпитале два месяца – но выздоровел полностью. Он не видел, что произошло в Могадिशе, – страшное побоище, после которого президент Клинтон приказал сворачивать удочки. Вручавший ему награды – Бронзовую Звезду и Пурпурное Сердце – полковник специальных сил морской пехоты спросил, не желает ли он служить вместе с настоящими, крутыми парнями, которые воюют даже тогда, когда всем кажется, что вокруг мир. Сержант Нули подумал и...

Согласился.

Крым, реальность Странник

До утра Странник – проще, наверное, называть его именно так – прошел от места высадки больше пяти километров и к рассвету залег на дневку. Он шел быстрее, чем обычно, потому что от места высадки надо уходить как можно быстрее и как можно дальше. Путал следы. Под утро он едва не наткнулся на какую-то группу – небольшую, молчаливую, – но вовремя залег и пропустил ее. Восемь человек, вооружены автоматами Калашникова, идут тихо и осторожно. Это мог быть кто угодно – русский спецназ, американские «морские котики», тоже уважающие автомат Калашникова, местные бандиты, румыны. Пройдя всего в нескольких метрах короткой, волчьей цепочкой, ступая след в след – они так и не заметили снайпера...

И он – предпочел их не заметить.

К утру он перешел, а вернее переполз – бывший колхозный виноградник, ставший диким. Устроился на его краю, в какой-то промоине, предварительно проверив, нет ли змей. Виноград – а он тут был – пробовать не решился. Примерно в девять ноль-ноль по местному времени, выставив две мины направленного действия – для прикрытия, вечером он их снимет – и предприняв еще кое-какие меры предосторожности, он залег на дневку. Разжевал немного пеммикана – жесткого, как подошва, соленого консервированного мяса по индейскому рецепту, его у него было столько, чтобы поддерживать силы как минимум в течение двух недель. Поставил рацию на прием, устроился поудобнее – и заснул. Он знал, что нормально спать на операции он не сможет, его обычный режим сна – пятьдесят секунд сна и десять – неосознаваемого организмом бодрствования. Если что-то будет происходить – он это услышит.

Дух Молдаване

Двое снайперов, совершивших небольшой переход – лежали с оружием на присмотренной ими еще несколько дней назад лежке. Лежка была хороша тем, что с нее просматривалось очень хорошее местечко, что-то вроде поляны, где можно было съехать с серпантина и отдохнуть там... разнообразно. В то же время – с самой поляны снайперскую позицию увидеть было почти невозможно, сектор обстрела – градусов десять и очень большая дальность. Пока на поляне никого не было...

– Послушай, что в мире происходит... – приказал снайпер-один, не отрываясь от прицела.

Особенностью этой снайперской пары было то, что вторым номером здесь выступал не боец прикрытия, не наблюдатель – а второй снайпер. Такое почти никогда не практикуется – два снайпера, работающие в связке и без прикрытия. Поэтому такой дуэт может иметь шанс на успех, – но это только в том случае, если оба снайпера, во-первых, настолько профессиональны, что каждый может играть «соло», во-вторых – если оба снайпера настолько сыграны, что чувствуют мысли и намерения друг друга даже без слов. Пара таких снайперов может наделать дел... Например, если снайпер постоянно бьет то из одной точки, то из находящейся далеко от нее другой – установить точное местоположение снайперов и вызвать артиллерийский удар – намного сложнее, ведь один видел одного снайпера, другой – другого и, прежде чем выяснится, что их на самом деле двое... Одновременный удар двух снайперов по одной цели делает практически стопроцентным поражение одиночной цели на тысяча триста – тысяча четыреста метров, то есть за пределами реальной дальности стрельбы «СВД». Хоть одна пуля да попадет в цель, один исправит ошибку другого.

– Все тихо. Румыны треплются, у них что-то в комендатуре произошло.

– Что именно?

– Кажется, кто-то кого-то застрелил.

Такое бывало – румынские комендатуры разложились окончательно, силы стабилизации окончательно превратились в один из главных источников нестабильности. В армию вербовали молдаван-националистов, вояки были еще те – как нормально воевать, так их нет, а как селения замирать – так айнзац-команда СС в полном составе нервно курит в сторонке.

– Товарищ подполковник...

– Что?

– Ночью – что было? Вызывали – нас?

– Меньше болтай.

* * *

В этот момент – по серпантину мчалась старая «Тойота Ланд Круизер», следом за ней попевала довольно пожилая небольшая «Хонда», за ним – русский «Урал». Обе легковые машины были угнанными... но здесь, когда идут боевые действия – на это мало обращают внимания, нужен транспорт – останови на дороге, выкини водителя и бери. Никто ничего за это не сделает. Потому что – война.

Самым главным в «Тойоте» был Марек Копош. У него не было никаких воинских званий, он официально не только не входил в состав контингента сил стабилизации – но и не был на связи у секуритаты, румынских спецслужб. Он был черным агентом – настолько черным, насколько это было возможно, агентом, имени которого нет ни в одном документе, и

поэтому его невозможно было раскрыть. С ним даже не расплачивались деньгами... обычно таких черных агентов, как он, раскрывают именно на денежных выплатах. С ним и его людьми рассчитывались тем, что позволяли творить беспредел, грабить, убивать, рэкетировать – и за это он выполнял маленькие и не совсем маленькие поручения румын. За это можно было не бояться привлечения к ответственности... после того, как WikiLeaks и Джулиан Ассанж установили (это они думали, что установили) новые стандарты прозрачности в деятельности государств и их спецслужб – на самом деле в таких делах стали применять просто новую схему засекречивания, расплаты с агентами и вообще работы. Автономные, никак не связанные с государством группы действия, не маскирующиеся – а на самом деле являющиеся коммерческими предприятиями или бандитами, получающие устные указания, получающие оплату в виде налички, контрактов или разрешения творить беспредел. Тот же Марек Копош – это обычный безнаказанный бандит, и попробуй скажи, что он имеет какое-то отношение к силам стабилизации.

Марек Копош был не просто молдавским бандитом – он был потомственным бандитом. Его дядя зверствовал в ОПОНе⁸, ослеплял людей, вырезал им языки и стал настолько «популярен», что когда казаки его поймали, то привязали его за одну ногу к одной машине, а за другую – к другой, а потом машины разъехались по своим делам. Сам Марек вырос на хуторе, с пьяным отцом и не менее пьяной, опустившейся ниже некуда матерью, злобным от постоянных побоев, неученым – в Молдавии последнего времени учили плохо, потому что учебники на языке оккупантов были запрещены, а на молдавском – их не было. Вино он впервые попробовал в шесть лет – в Молдавии вообще в сельской местности употребляют много самодельного вина, наливают чуть ли не грудным детям. Там, где он жил – несколько бывших колхозов скупили итальянцы и стали выращивать виноград, от привычки местных пацанов лазать на лозу отучали тем, что наняли откровенных уголовников охранять лозу. Одного из пацанов изнасиловали, другому сломали позвоночник железным прутом – а потом Марек и еще двое лихих пацанов вычислили момент, когда сторожа были пьяные после получки, накормили собак котлетами с толченым стеклом, подперли дверь сторожки, вылили на стены канистру бензина и подожгли. Вот такие нравы были в мирной, суверенной Молдавии, и именно тогда Марек понял, что пошел в дядю, – ему нравилось возглавлять людей и убивать людей. И то и другое он делал хорошо.

Молдавия мирно и не особенно громко катилась к катастрофе и разрушению, родилось поколение, которое воспитала улица и которое практически не училось, поколение железного прута и «коктейля Молотова», то самое, которое разграбило и подожгло парламент. Не было нормальной работы, не было нормальной жизни, не было ничего, в том числе и государственного единства. К власти в Молдавии рвались люди, которые отрицали молдавскую государственность как таковую, требовали вхождения в состав Румынии, такой же нищей и неустроенной, как и сама Молдавия. Зачем требовали? Да затем, что Румыния входит в ЕС, гражданство Румынии дает паспорт ЕС и возможность легально находиться в Европе, устраиваться на работу – вот что нужно было молдаванам, всего лишь паспорт. Работать молдаване не хотели – чуть ли не пятая часть преступлений в Австрии, например, совершалась румынами и молдаванами⁹, румыны и молдаване контролировали во многих европейских странах проституцию точно так же, как албанцы – наркоторговлю, на «секс-работу» в Европу вербовали чуть ли не в центре Кишинева. Поэтому, когда Польша начала наступление в Украине и ввязалась в бой с русскими и частью украинцев (более значительной, чем это принято было признавать), – оккупация Молдавии прошла относительно тихо и неза-

⁸ Отряд полиции особого назначения.

⁹ Реальные данные на 2010 год. Об этом не говорят из-за политкорректности – но это так. Большинство преступлений в Европе совершают именно мигранты, законные и не очень, и гас-тарбайтеры.

метно, даже без тяжелой техники, а в Приднестровье румыны дальновидно не пошли, ограничившись берегом Днестра...

Но потом – не справляющаяся Польша выделила новой объединенной Румынии целый сектор оккупации (первоначально планировалась Польша от можа до можа¹⁰), после того как стало понятно, что борьба с терроризмом на территории Речи Посполитой будет долгой и жестокой, а старые европейские страны решительно осудили «одностороннее польское решение украинского вопроса, сомнительное с точки зрения международного права и неприемлемое с точки зрения права гуманитарного» – и вот тогда началось. Сама-то Румыния – и думать не думала, мечтать не мечтала об Одессе и Севастополе, которые ей никогда не принадлежали, а были обычными русскими землями. Но легкость (погибло три человека, двое – по случайности) оккупации Молдовы толкнула румынских националистов на опасную, очень опасную дорожку.

Вот Марек Копош и взял оружие, сколотил компашку из таких же, как он, хуторских пацанов и завербовался в частную военную компанию. Да, начинал он именно так, в Кишиневе моментально образовались (во главе процесса, как ни странно, были цыгане) частные военные компании для обеспечения южного сектора оккупации. Вот только если в США на работу в такие компании брали профессионалов, расторгших контракты с армией по той или иной причине – то тут это были откровенные «работники ножа и топора, романтики большой дороги».

Прошли курс начальной военной подготовки – две недели в бывшем советском пионерлагере, полосы препятствий там нет, инструкторы – из румынской армии, не те, кто прошли Ирак и Афганистан – а другие, похуже. Потом контракт – в контракте черным по белому было написано: делиться награбленным. Ворвались в Одессу, когда там уже поработали профессионалы, в том числе и американские «морские коттики», первой задачей было устроить сплошную «проверку паспортного режима», которая вылилась в такой вал грабежей, изнасилований, расправ, что вопрос поднимался в ЕС, откуда Румынию пригрозили исключить, если такое будет продолжаться. Приведя в порядок расстрелами частное воинство, отняв часть награбленного, их вышвырнули из Одессы и разбросали по сельской местности юга Украины (принадлежавшего России до большевиков) на блокпосты. Навар там был относительно небольшой, повеселиться тоже было негде – поэтому Мареку Грозе пришла в голову идея грабить самому и ни с кем не делиться. Забрав автоматы в качестве части гонорара за службу, они угнали две машины (владельцев расстреляли в придорожной канаве), на них доехали до Одессы, где уже сложился черный рынок наемников и где люди с автоматами в руках и без царя в голове были нужны. Потом на них вышла секуритата и предложила – или крыша за выполнение поручений, или расстрел за грабежи и убийства. Показательный, публичный – чтоб перед ЕС отчитаться, вот мол, наводим порядок. Отмена смертной казни ЕС уже не волновала – пришли другие времена.

Сегодняшняя задача была простой, даже слишком – всего-то расстрелять людей. В изоляторе временного содержания скопились люди, которые румын больше не волновали, – а выпускать их было нельзя, иначе всплывет правда о фильтрах румынской секуритаты. Тогда вызвали Марека и его людей, поставили задачу, дали трофейный «Урал» – это в принципе было его гонораром, машину потом надо было пригнать на одесский рынок и там продать, вот тебе и гонорар. Ну и оружия с патронами подкинули из трофейного. Расстрелять надо было примерно двадцать человек, даже больше, все подростки – их связали и покидали в кузов «Урала», туда еще сели двое из воинства Марека, чтобы никто не смог сбежать. Остальные ехали в машинах... и черт же им нашептал выбрать для показательной экзекуции именно эту полянку, а на ней двое снайперов ждали кого-то из румын, которые здесь ино-

¹⁰ Лозунг польских националистов. Имеется в виду – от Балтийского моря до Черного.

гда появлялись. Место для экзекуции у них было другое, там рядом была пещера, удобно сбросить тела – но ехать до него было лень, да и «Урал», здоровенный грузовик, жрал много соляры, а румынские офицеры, передавая им машину, слили из бака почти все, что там было, мамалыжники проклятые. Потом эту дуру на базар гнать, соляра из своего кармана... в общем нехрен. Сойдет и тут, а этим – все равно, хе-хе...

* * *

- Внимание, цель. Две легковые автомашины, один «Урал».
- Расстояние?
- Один сто.
- Решение о том, стрелять или нет – принимал подполковник.
- Выдвигайся вперед. Делай тихо. Я жду.

* * *

– Гы-гы-гы...

Все-таки употребление спиртных напитков чуть ли не с грудничкового детства весьма скверно сказывается на умственных способностях. И хоть ты зауважайся культурных особенностей местных народов – от клинической картины дебильности никуда не деться.

В машине были в основном пацаны, как и в сопротивлении, – взрослых было мало, пацаны по восемнадцать, по пятнадцать, некоторые даже по двенадцать лет. Взрослые... они уже были сломлены, многие оскотинены, вжились или пытались вжиться в новый безумный порядок... да и много ли требуется для того, чтобы привыкнуть к положению рабов после того, что происходило на этой земле последние двадцать лет.

А пацаны... есть пацаны. Они еще не знают, на каком куске торта больше крема.

– Гы-гы-гы...

Игра была простой, примерно в такую же играли чеченские подростки с русскими военнопленными – но там-то хоть были подростки, а тут – взрослые мужики. Несколько человек с ножами становятся в круг, и в этот круг загоняют пацана со спутанными ногами. Его задача – прорваться из круга, а его тыкают ножами, не дают этого сделать. Пока не режут, просто пускают кровь. Потом, как надоест – пацана зарежут...

– Гы-гы-гы...

Пацан попался гордый. Получив несколько ножевых ранений по касательной, он вдруг встал в центре – худенький, замызганный, не старше четырнадцати. Сложил руки на груди.

– Ну что ты, русский. Беги! Видишь – море! Давай! Или вставай на колени!

Пацан сплюнул под ноги, по рукам его медленно сочилась темная, почти черная кровь.

– Пошел ты, мамалыжник!

– Чего? Как ты меня назвал?! – взвился Думитр.

– Фашистов перебили и вас всех перебьют!

– Ах ты...

Гулко стукнул выстрел. Пистолетный. В воздух.

– Назад!

Ворча, как собака, Думитр повиновался.

– Связать его – и в кабину! – приказал Марек. – Давайте следующего!

Сразу несколько бандитов бросились на парнишку. Ему не повезло, нет – тех, кто отказывался умолять, встать на колени, молить о пощаде – перед тем, как зарезать, обычно насиловали. Все вместе.

* * *

У дороги с пулеметом занял позицию Петр – все-таки Марек не совсем пропил мозги и выставил у дороги пост с пулеметом, на всякий случай, чтобы никто не помешал экзекуции. Если бы Марек был военным, а не бандитом – то он выставил бы пост не из одного, а из трех человек, чтобы невозможно было снять дозорного из бесшумной винтовки и пройти дальше. Но Марек был все же бандитом, а не военным, и в воинстве у него были одни бандиты, которым запахло было стоять на посту, в то время как остальные – издеваются над пленными. Поэтому – в дозор, как обычно, отправили Петра с пулеметом, наказав стрелять, если что.

Петр был русским, с Кубани, – хотя если бы казаки поймали такого русского – жить ему осталось бы до первой осины на дороге. Родился он в семье, где бухали по-черному, не работали, нормальное хозяйство не вели. Потом отправился в райцентр, поступил в училище, хотел быть трактористом – но попался на краже и два года мотал срок. Там он приобрел криминальный опыт – места лишения свободы в современном мире давно превратились из мест исправления в места обмена криминальным опытом. Вышел озлобленным, ни жены, ни детей, ни работы, ни профессии, узнал, что отец хлебнул метилового спирта и умер (на похоронах насмерть отравился сивухой еще один аграрий – так и жили, как свиньи). Совершил кражу, но на этот раз не попался. Власть в крае все больше брали вооруженные отряды казаков, за кражи они карали своеобразно – кнутом по заднице, исправительными работами полурабского типа, а Петр подставлять задницу под кнут не хотел. Прибился к каким-то цыганам, попал в Одессу, там нанялся шабашить – на шабашке его и застала война. То, что румыны оккупировали Крым, Одессу – ему было наплевать, лишь бы было что выпить. Работы не стало – они строили коттедж, хозяина коттеджа убили. Попытался наняться полицаем, румыны не взяли – своих таких же дятлов пруд пруди, еще и русских не хватало. Тут он и прибился к банде Марека, разжился автоматом, потом ему дали пулемет, потому что здоровым как лось был. В банде его не любили, потому что русский – но терпели. Что делали остальные – делал и он, грабил, убивал, насиловал. Русских, украинцев – все равно.

Так и жил. И не один он был такой – в бандах, терроризирующих Украину, немало было и русских, бандитов было раза в три больше, чем бойцов сопротивления. Почему? Да потому что подонком и свиньей двуногой быть проще, вот и все.

Сейчас – он просто нашел местечко у дерева и сел с пулеметом в обнимку, прислонившись спиной к древесному стволу, потому что стоять было лень. За спиной довольно ржали в несколько голосов, что-то кричали на румынском, из которого он знал только несколько слов – бес с ними, пусть развлекаются. Жалко только, что косяк последний утром выкурил и бухнуть нечего.

В этой позе Петр и подох.

* * *

– Э, ты куда?

Один из бандитов, собравшийся отойти в темноту – обернулся.

– Я пойду, поссу.

За спиной раздалось довольное, лошадиное ржание.

Молдавский бандит, которому от роду-то было девятнадцать лет и на счету которого было шесть трупов, если считать только те, которые он заделал лично, – отошел в сторону, дошел до канавы, расстегнул ширинку и принялся ссать – хорошо! Если бы только еще... что-то больно, еще не хватало, чтобы трепак подцепить. Тогда придется антибиотики поку-

пать, а они дорогие, с...а! Можно еще у румын попросить, их там бесплатно лечат, они часть перепродают, – но тоже не бесплатно, понятное дело. Хреново, что ты не румын, тогда подцепил трепак – бесплатно лечить будут.

Бандит поссал, сунулся рукой, чтобы застегнуть ширинку, машинально кинул взгляд вниз – и увидел на своей груди странную, маленькую, чуть подрагивающую красную точку. Потом на том месте, где была точка – появилась дыра, и бандит упал лицом вперед в собственную мочу.

* * *

– Гы-гы-гы...

Бандиты, раздухарившись, начали пинать одного из подростков, когда тот, изрезанный, упал, и пинали до тех пор, пока он не перестал шевелиться. Потом – ткнули несколько раз ножом, и двое пинками погнали тело к обрыву. И тут – Марек кое-что вспомнил.

– Э, а где Василь?

Бандиты недоуменно переглянулись.

– Поссать, кажется, пошел.

– Э, Василь! – крикнул один из бандитов.

Ответило только эхо.

– Петр! Петр!!!

Марек уже понял, что дело неладно.

– Думитр! Иди, проверь!

Кто поосторожнее – отошли за машины, подальше от костра из облитых солярой тряпок, который разложили, чтобы не издеваться над пленными в полной темноте. Если в полной темноте – какой в этом кайф?

Думитр осторожно, выставив вперед автомат, шагнул в темноту, и она поглотила его. Все настороженно ждали, минута тянулась за минутой. В голове еще бродило хмельное, пахнущее свежей, парной кровью веселье, в то время как профессиональный военный, может быть, уже прыгнул бы со скалы в воду, чтобы иметь хоть какой-то шанс спастись.

– Думитр!

Один из боевиков подбежал к чадающему костру, чтобы затоптать его – и рухнул прямо в пламя, убитый наповал снайперской пулей.

– А-а-а!!!

Боевики, в том числе и сам Марек, бросились за машину, открыли шквальный огонь из автоматов в темноту, во все стороны.

Один из боевиков, разрядив магазин автомата, попытался пробежать три метра до кабины, и на втором шаге – рухнул замертво. Все происходило в полной темноте.

Марек, с пистолетом, поняв, что дело дрянь, – вскочил в кузов, схватил кого-то, потащил – ему нужен был заложник, чтобы прикрыться им, – и в этот момент обожгло лицо, резануло нестерпимой, ослепляющей болью, потекло горячее... потом резануло еще раз и еще. Пацаны бросились на него и погребли под собой в живой, озлобленной куче...

* * *

Пацаны...

Почему они пошли на это? Может быть, потому, что не знали, какой кусок торта слаще. Может, потому, что не успели смотаться вовремя и вынуждены были теперь жить в зоне боевых действий. Может, еще почему?

Как бы то ни было – они теперь были здесь. Все вместе.

Как только «Урал» остановился, хохочущие *мамалыжники* потащили из кузова первого – стало можно говорить. До этого – только шептаться, и то осторожно.

– Слышь, пацаны, подрываться надо, – сказал тот, кто сидел четвертым... четвертым в очереди на экзекуцию, невысокий, чернявенький, похожий на цыганенка, – кому как, а мне...

– Глохни, – мрачно сказал еще один, угрюмый, прыщавый здоровяк, – если есть что дело – предлагай, а не болтай.

– Пусть один заберется. Мы – все вместе.

– Там человек десять. С «калашами».

– У этого – тоже будет.

– Посекут.

– Слышь, ты, хорош гнать!

– Гонят г...о по трубам, я дело говорю.

– Партизаны...

– Хрен их найдешь, твоих партизан! – огрызнулся еще один пацан. – Надо было жить, как люди живут, и не...

Остаток фразы он не договорил – скорчился от боли, от резкого удара.

– Глохни, огрызок! Так люди не живут, так шавки живут. Я – не шавка подзаборная. Если ты шавка – иди, отсоси этим, может, отпустят.

Еще один пацан что-то делал... натужился, напряжился и... показал свободные руки. Румыны пользовались стандартными одноразовыми пластиковыми наручниками, если знать как и иметь кое-какие инструменты – высвободиться было реально.

– Тю...

– Атас, пацаны, идут!

Освободившийся спрятал руки.

Подожли мамалыжники, выхватили из кузова еще одного. Остальные пацаны смотрели на карателей волком – но ничего не сказали. За ними никто не следил – гораздо интереснее принимать участие в экзекуции.

– Ты чо, пионер-герой, что ли?

– Заткнись. Руки давай.

Неизвестно откуда взявшимся обломком одноразового бритвенного лезвия пацан высвободил руки одному. Потом еще одному.

– Тихо.

– А чо...

– Лучше человеком умереть. Со свободными руками.

– А ты кто вообще такой, пацан?

– Конь в пальто. Плавать умеете?

– Ну...

– Э...

– Короче, – пацан зажал бритву между пальцев, – ща, как эти придут, я одного писану и волюну прикинусь схватить. Ты – ему в ноги и держи, отвлеки, понял? Потом тоже беги. Вы – стадом из машины и бежать. Рядом обрыв, они туда будут трупы сбрасывать. Море. Туда и прыгайте.

– А ты?

– Мои проблемы...

Произошло все совсем не так, как должно было получиться. Сначала не приходили... там, на воле забухтели чего-то, завозились, послышались какие-то крики. Потом в кузов вскочил бандит, бородатый, расхристанный, с пистолетом. Он диким взглядом обвел кузов – но сделать больше ничего не успел, пацан со свободными руками, как кошка, бросился ему в лицо, потом ломанулись и другие, навалились, затоптали...

* * *

– Слышь, пацаны. А чо снаружи-то?

«Пионер-герой», не отвечая, схватил пистолет, машинально прикинул – «стечкин» или его румынская копия, «Дракула», плохо видно в темноте, судя по весу – заряжен, да и нахрен бандюкам носить незаряженный? Писанул обломком бритвы по тенту, потом еще раз. Прильнул к щелке.

– Э...

– Нишкни.

В кузове все более откровенно воняло горелым... жуткий, знакомый многим запах. После боев в города сгоняли пленных, выгоняли на работы всех людей – собирать трупы. Потом эти трупы сваливали в кузова машин и везли их на окраину. Там – вываливали, обливали бензином и поджигали. В санитарных целях. Каждый раз после такого несколько дней невозможно было дышать, сладковатый, тошнотворный дымок вызывал позывы к рвоте.

Пацан соскользнул на землю, грамотно соскользнул, прижался к откинтому заднему борту «Урала», привыкая глазами к темноте. Потом огляделся, присвистнул.

– Вылазь, братва! Не бойсь!

Пацаны, многие из которых уже попрощались с жизнью – вылезали, осматривались. «Пионер-герой» уже подобрал у одного из убитых выстрелом в голову автомат, сделал несколько знаков руками в темноту – правой рукой себя за горло, потом большой палец – сигнал «я свой!». Никто не откликнулся, но все экзекуторы, вся банда Марека – была безжалостно перебита. Поняв, что те, кто это сделал, вовсе не жаждут проявлять себя, пацан присел над убитым и начал деловито шмонать его карманы, расстегивать разгрузку, чтобы приспособить на себя.

– А чо это...

– Партизаны...

– Заткнулись! – не оборачиваясь, скомандовал пацан. – Шмонайте трупы, машины. Все собрать, если обувь у кого дерьмовая – поменять. Швыдко!

Команда была понятна, беспризорники этим и жили, кражами, шмоном – растекшись по окрестностям, они собрали несколько автоматов Калашникова, в основном румынских, но были и два русских, пулемет Калашникова, тоже румынский, со складным прикладом и коротким стволом, так называемый «красавчик», девять пистолетов, ножи, боеприпасы, пару десятков гранат, некоторое количество денег и ханки. Кто-то сменил обувь, другие подгоняли на себя разгрузку. Нашли порезанных пацанов, как смогли, перевязали, тем более что бинт тоже нашли. Дали хлебнуть сивухи – для обезболивания. Для одного – сделали самодельные носилки, вырезав кусок тента. Трупешники мамалыжников – поскидывали в море, туда, куда сами мамалыжники собирались скинуть трупы пацанов.

– Строиться!

– А чо...

– Кто не в строю – все, что здесь взяли, на землю положили и мотайте отсюда, пока целы!

Пацаны помялись – но из строя никто не вышел.

– Значит, так. Уходим в горы. Идем тихо, кто гавкнет – лично язык отрежу. Кто оружие бросит – потом за ним вернется, я не шучу. Двигаемся!

* * *

Утром на место экзекуции прибыли румынские каратели. В горы они не пошли – в конце концов, это были не их солдаты, это были всего лишь убитые мамалыжники, бандиты, за них никто и никогда не спросит, и идти по следу в горы – себе дороже. Они ждали, что за ними пойдут вертолеты-охотники, которые могли летать ночью и стрелять, если даже ты спрятался в лесу, – но вертолетов почему-то не было, погода летная, а вертолетов нет. К середине следующего дня группа пацанов дошла до одной из партизанских явок...

Крым, реальность USNS Altair T-AKR 291 Navy forward operational base «Omega»

– Сэр, Странник проявил активность. Он выдвигается к побережью.

Подполковник потер рукой небритый подбородок. Глаза слезились – злоупотребление спецпрепаратами, не дающими уснуть, – давало о себе знать, звуки были слышны как через ватную подушку.

– Что там у нас на побережье? Кто-то анализировал сводку активности?

– Так точно, сэр. У румын перебили целую группу... верней, не совсем у румын, это были сотрудничающие лица.

Понятно, бандиты...

– Что именно там произошло?

– Непонятно, сэр. Но румыны запрашивают авиационную поддержку со «Сталкеров», в район вышла поисковая группа.

– Они не накроют самого Странника?

– Сэр, он идет как раз в район их барражирования. Подать срочный вызов?

Подполковник немного подумал.

– Нет. Не стоит. Так мы раскроем себя. Отзовите оттуда вертолеты.

– Но румыны...

– Мне нет дела до этих ублюдков, понятно? Наша операция важнее! Пусть идут в горы и ищут кого нужно сами!

Дух

– Товарищ подполковник...

Снайпер долго молчал, потом тихо, на грани слышимости, как они уже привыкли переговариваться, так что не слышно и за несколько шагов, спросил:

– Что?

– А эти... кто нам сигналил. Они кто?

Снайпер помолчал.

– Не они, а он. Думаю, он один. Американец.

– Американец?!

За все время войны они только два раза видели живых американцев, один из них был пилотом сбитого самолета, а второй – пилотом сбитого вертолета. «Морские котики», действующие в Крыму и по побережью – действовали в форме польской «маринарки военной», в плен не сдавались, да и кто бы их стал брать в плен-то? Американцы почти не участвовали в войне здесь, все делали поляки и румыны – но все отлично понимали, что ни Польша, ни Румыния не осмелились бы делать то, что они делают без поддержки и одобрения Соединенных Штатов Америки.

– Американец. У нас с ним давно дуэль.

Корректировщик помолчал, потом все-таки осмелился спросить:

– И в чью пользу счет, товарищ подполковник?

– Пока в мою. Пока...

Далекое прошлое 1999 год Албания, округ Пука MARSOC 24th MEU

– Гребаный русский драндулет! – выругался штаб-сержант Корпуса морской пехоты США Алоиз Овьедо, приписанный к двадцать четвертому экспедиционному корпусу морской пехоты США, пытаясь совладать с коробкой передач старой, но бодрой и прыгучей белой русской «Нивы», пробирающейся в направлении города Фуша-Аррес в маленькой колонне из двух одинаковых белых «Нив» – прибил бы того ублюдка, который ее сделал! Чертов сукин сын.

– Может, лучше прибить того, кто ее купил, амиго? – меланхолично посоветовал уоррент-офицер Саседо, развалившийся на заднем сиденье маленькой русской машины и с интересом читающий местный порнографический журнал.

– Э, базар фильтруй, – ганнери-сержанту Гринбергу, который так привык к старой бесшумной «М21» еще вьетнамских времен, что категорически отказывался поменять ее на что-то другое, сильно не понравилось сказанное, – если бы не я, мы бы сейчас перлишь пешком.

– Лучше так, чем в этом ублюдочном драндулете, который вот-вот перевернется.

– На «Хамви» ты бы и половину пути не проехал. Плохо ехать лучше, чем хорошо идти.

Машина, сделав еще один скачок в молочно-серой дымке тумана, вдруг сильно стукнулась обо что-то и встала.

– Твою в бога душу мать! – изрыгнул очередную порцию ругательств Овьедо. – Кажется, приехали!

Сзади, высветив их дальним светом фар, встала вторая «Нива».

– Дельта-два, здесь Дельта-один, сообщите причину остановки, – мгновенно оживилась рация.

– Дельта-один, причина в том, что один хренов морской пехотинец не умеет водить машину, черт бы все побрал! – ответил Овьедо, толкнув своего соседа по тесному заднему сиденью «Нивы». – Нули! Хватит дрыхнуть! Подъем по казарме!

Оливер Нули, последний из тех, кто пришел в группу, открыл глаза. Зевнул.

– Доехали?

– Ага, до большой кучи дерьма. Вылазь, толкать будем.

У русской «Нивы» только две дверцы, если кто сидит на заднем сиденье – он выходит, откинув передние сиденья, как в спорткупе. Так они и сделали, выбравшись наружу, в промозглое, туманное утро североалбанских Альп. Сразу стало понятно и то, что произошло, – тут была большая промоина, через нее кто-то проложил гать. Сейчас под колесом «Нивы» эта дрянь треснула, и «Нива» ушла одним боком в грязь чуть ли не по ступицы. Горящую фару едва не захлестывало грязной жижей.

Чуть в стороне, разрывая дальним светом мокрую вату тумана, остановилась вторая «Нива», морские пехотинцы из нее высадились и подошли посмотреть.

– Прилично влезли... – прокомментировал Динкель.

– Хорош трепаться. Динкель, Тили – боевое охранение. Динкель, ты свою свинью прихватил?

– Так точно, сэр, – пулеметчик группы похлопал рукой по ствольной коробке пулемета Калашникова. Этот пулемет он хорошо знал и брал с собой, когда предстояла операция в странах бывшего Восточного блока. Пулеметчик, как ни напрягайся, не сможет унести на

себе больше тысячи выстрелов в лентях – а в интенсивном бою коробка расстреливается за пару минут. Кровью написано правило разведгрупп – идешь за линию фронта надолго, бери с собой оружие такое же, как у противника. Возможность пополнить боеприпасы за счет противника – бесценна.

Пулеметчик и один из автоматчиков прикрытия – в группе было пять снайперов, два автоматчика и пулеметчик – растаяли в сырой мгле. Погода была просто отвратительная – температура примерно минус два, то есть на грани замерзания воды, вчера прошел снег с дождем, но большей частью он уже растаял, и дороги превратились в снежное месиво. Снег на земле походил на рваную в клочья простыню, через прорехи которой бесстыдно проступает голое черное тело земли...

– Мартинсон, тащи трос. Нули, поможешь ему.

– Сэр...

Ганнери-сержант повернулся.

– Есть идеи?

– Да, сэр, – Кинан, единственный из всех, выходя из машины, не взял свое оружие, – я могу попытаться вытащить ее пробуксовкой.

– Черт, Кинан, она так только глубже завязнет. Тут целая яма с дерьмом, хрен знает, насколько она глубока.

– Никак нет, сэр. Я в бахах¹¹ участвовал. Это очень крепкая, хорошая машина, сэр. Как раз для таких дорог. Я бы все-таки попробовал с вашего позволения, сэр.

Ганнери-сержант кивнул.

– Вот что сделаем. Мартинсон – цепляй трос к заднему бамперу. Кинан, если хочешь, садись за руль. Овьедо – сядешь во вторую «Ниву», подстрахуешь.

– Так точно.

– Нули, поможешь Мартинсону. Давайте, время не ждет. Я не хочу тут долго стоять...

Зацепить трос за бампер оказалось дополнительной проблемой – Мартинсон, по прозвищу Большой Эм, только шагнул – и едва успел отдернуть ногу, иначе бы засосало. Можно было бы пройти по гати – но она была скользкой и ухнуть в яму с дерьмом можно было запросто.

– Какого хрена тут натворили эти ублюдки... Это не Европа, а задница какая-то...

– Зато ты сможешь сказать, что был в Европе за счет дяди Сэма, – сострил Тили.

– Тили, заткнись... – сказал Нули. – Давай, я на берегу, держу трос и травлю его понемногу. Ты держись за трос, пока до бампера не доберешься. Если ухнешь в дерьмо, тоже держись за трос, как за свой конец в сортире.

– Очень смешно...

Кинан, уже добравшийся до водительского сиденья «Нивы», высунулся в окно – тут оно открывалось не автоматически, а вертушкой, маленькой вращающейся рукояткой, как в машинах тридцатых годов.

– Уйдите оттуда на хрен! Я попытаюсь проехать!

– Кинан! – предупредительно крикнул Овьедо.

– Нормально, сэр. Я знаю, что я делаю.

– Добро. Мартинсон, Нули – уйдите оттуда!

Морпехи отступили.

«Нива», взвывая мотором и как-то странно хрустнув внутренностями, дернулась назад, потом, выбросив из-под колес метровые фонтаны грязи – рванулась вперед. Никто и опомниться не успел, как она проскочила топь.

– Чертов сукин сын... – сказал Овьедо.

---

¹¹ Гонки по пустыням на длительные расстояния, что-то типа ралли-рейдов, очень массовые.

Сержант Кинан выбрался из машины.

– Как тебе это удалось? Что за чертовщина?

– Все просто, сэр. Это машина надежная, проходимая – но чертовски старая. Русские ее сделали, когда еще не было систем автоматического подключения переднего привода, и так и делают до сих пор. Там есть рычаг, если ты хочешь подключить передний привод – надо его подключать вручную. А Овьедо не сделал этого, он так и поехал по всей грязи с приводом на одну ось.

* * *

Примерно через полтора часа они въехали в Фуша-Аррес. До него можно было добраться намного быстрее – но у них был приказ: не показываться на основной дороге. Неизвестно, чем был вызван такой приказ, – но приказ есть приказ.

Это был второй день их пути – если не считать перелета, произошедшего два месяца назад, когда их перебазировали в Рамштайн. В Рамштайне, одной из крупнейших баз ВВС в мире, они два месяца только и делали, что бегали, тренировались по возможности, в свободное время шалели от безделья. От нечего делать придумывали, какого хрена их сюда дернули – возможно, чтобы захватить кого-то из сербов, Караджича к примеру, или даже Милошевича самого. С базы каждую ночь вылетали самолеты, они пытались разузнать у пилотов, что происходит, – но пилоты отделялись шутками или угрюмо молчали. Но дураков не было – если до сих пор самолеты летают не парами, а гориллой¹², с включением туда двух самолетов РЭБи с ракетами ПРР – значит, несмотря на жесточайшие бомбардировки, система ПВО Югославии не подавлена до сих пор.

Потом их, ни с того ни с сего, ночью перебросили «Шерпом»¹³ на базу в Авиано, оттуда, уже дневным рейсом, – в Тирану. В Тиране был полный бардак, их промытарили в здании гражданского аэровокзала – тут и гражданские, и военные работали в одном здании – несколько часов, потом выдали деньги, приказали купить транспорт и самостоятельно выдвигаться к Фуша-Аррес, это на севере страны. Машины они купили быстро – стихийный рынок был как раз по дороге в аэропорт, а не стихийных, похоже, не было.

Все что-то продавали – оружие, гуманитарку, машины, явно угнанные, бензин в канистрах. Оружия было море – то ли в девяносто четвертом, то ли в девяносто пятом в стране рухнула власть, разграбили все военные склады, морским пехотинцам США тогда пришлось поработать, эвакуируя иностранных граждан и дипломатический персонал. Никто потом даже не предпринял попытки собрать оружие у населения – оно или стреляло, в Косово, да и по всей стране тоже, либо продавалось на таких базарах, как этот.

Товар был выложен либо на капотах, либо на самодельных прилавках, либо просто на постеленном на земле полиэтилене. Тут же продавцы – почему-то все как на подбор небритые, вонючие. У многих – открыто или пистолет за поясом, или автомат на боку. Много цыган, по рядам шныряют дети. Есть и проститутки самого худшего пошиба – низенькие, горластые, с грязными черным копнами волос, изрядным количеством золота (или бижутерии) и дешевой косметики; они были везде, о чем-то ругались между собой или с молодыми мужчинами, непонятно было, то ли они договариваются о том, чтобы подраться, то ли пофакаться. Морские пехотинцы были очень подготовленными людьми, но все равно они с облегчением вздохнули, когда купили машины и выбрались из этой толчеи. Машины были

---

¹² Стандартное построение ударной группы ВВС США для выполнения бомбардировочной миссии в опасном районе. Включает в себя двенадцать самолетов.

¹³ С23А, британский самолет, принятый на вооружение ВВС США и предназначенный для перевозок между базами груза максимальным весом и размером с реактивный самолетный двигатель.

сразу с номерами и какими-то документами, никакой регистрации не проходили – деньги в одну руку, ключи в другую, сел и поехал...

Фуша-Аррес – это был небольшой горный городок, он располагался на довольно пологом склоне холма и был выстроен как бы террасами. Впечатление от него оставалось одно – грязная дыра. Одно-, максимум двухэтажные здания, грязные, кривые улицы, старые автомобили годов семидесятых. На удивление много народа, все вооружены, причем попадались и те, кто был вооружен «М16». Некоторые – в форме, на рукаве нашивка – УСК, освободительная армия Косово, остальные – откровенные бандиты, одетые кто во что горазд. Везде торгуют, лавок очень много, и торговля идет по виду бойкая, в основном все то же оружие. Объяснялось это несоответствие нищего захолустья улиц и толпы на них тем, что здесь располагался основной сборный пункт УСК, и здесь же располагалось начало горной дороги, ведущей в Косово, по которой ходили бандиты. Дорога в Косово шла – единственная, проходима для транспорта.

«Нивы» остановились на самой окраине. Выглядело все омерзительно – как проплешина на голове, голый, черный зимний лес, и на этой проплешине – разноцветье ржавых крыш. Казалось, что город утопает в грязи, что это и не город даже, а какой-то временный лагерь беженцев. Поверить было невозможно, что здесь годами живут люди...

– Боже, ну и дыра...

– И как нам узнать, где отель? – спросил практичный Овьедо.

– Просто поискать его.

– Что-то я думаю, что в этой грязной дыре нет никакого отеля.

– Тот подполковник в Тиране сказал, что он есть.

– От этого ублюдка несло спиртным, как от дьявола русского.

– Если бы меня послали служить в такую дыру, я бы тоже нажрался до чертиков.

– Черт, хорош трепаться. Видите, старик на осле. Нули, иди, поговори с ним. Спроси, куда ехать. Давай...

По дороге, которая шла здесь резко в гору, верней, по тому, что на нормальной дороге называлось обочиной, бодро поднималось транспортное средство – осел, запряженный в какую-то телегу, а на телеге сидел человек неопределенного возраста, неопрятный и нечесаный, погоняя осла палкой. Такая картина была типична для Африки – просто невероятно, что это происходит в паре сотен километров от Италии.

Нули вышел навстречу ослу с человеком, поднял руку, как бы тормозя. При этом он широко улыбался, потому что правила советуют при первом контакте с человеком, не понимающим английского языка, улыбаться во всю рожу.

Старик повел себя странно – а это был именно старик. Проворно соскочив со своей телеги – а он, кстати, ничего не вез, просто сидел сам на этой телеге и ехал, – он подбежал к американцу и протянул руку, словно прося милостыню.

– Доллар. Хелп. Доллар. Хелп... – зачастил он.

Вот ублюдок... И что с ним теперь делать.

– I need your help, – как можно отчетливее проговорил сержант, надеясь, что это будет понятно, хоть немного.

– Help... Help... – зачастил старик.

Черт.

– Hotel. Hotel, understand?

Старик уставился на него как на явившегося мессию. Видимо, здесь до хрена гуманитарных организаций, дальше они не рискуют соваться и распределяют помощь здесь. Вот местные и привыкли к «доллар, хелп».

– Hotel, – повторил сержант, не надеясь на успех.

Старик пожал плечами. Слово «Отель» понятно без перевода на многих языках мира, и сержант надеялся, что старик все-таки поймет, что ему нужно.

– Red cross, – внезапно пришло в голову сержанту, – Красный Крест, понимаешь? Красный Крест, – он скрестил перед собой руки, – Красный Крест. Где? Where? Understand?

Старик внезапно оживился, затараторил на своем, начал тыкать куда-то в сторону города – сержант, как ни силился, так и не понял ни одного слова из сказанного. Единственно, что он уяснил – так это то, что Красный Крест в городе, скорее всего, есть. Это значит – что там есть англоговорящий персонал, который поможет им сориентироваться в городе. С этим же придурком разговаривать было бесполезно.

Расставшись с пятью долларами, сержант Нули вернулся в машину.

– Там, в городе, есть Красный Крест. С этим придурком бесполезно разговаривать.

– Сколько ты ему дал? – спросил Саседо.

– Пять баксов.

– А этот придурок показал тебе фак, когда ты шел к машине.

Сержант обернулся – старик улепетывал на своем облезлом осле.

– Вот ублюдок... Сукин сын.

– Остынь, Нули... – сказал Гринберг. – Это просто еще один подлый старый ублюдок, не более того. По-ехали...

* * *

Красный Крест они нашли на удивление быстро. Вместе с ним они нашли и полковника Ковачека, который держал тут передовой штаб. Полковник был не свой, а из армейских – но выбирать тут не приходилось. Он держал штаб на одной из самых верхних улиц, тут, оказывается, был и отель, только без всякой вывески. Вся улица была занята складами и зданиями, где помещались вербовочные пункты и административные органы УЧК. Здесь же были представительство НАТО и маленькая станция ЦРУ.

– Добро пожаловать в Фуша-Аррес, джентльмены, – полковник Ковачек сохранял здесь на удивление бодрое расположение духа, – как добрались?

– Спасибо, сэр, хреново, – за всех ответил Овьедо.

Полковник рассмеялся, как будто было сказано что-то смешное.

– Это еще не самая грязь. Весной и осенью иногда здесь дожди льют по несколько дней кряду. Тогда приходится сидеть дома, потому что, если ты выйдешь на улицу – поток текущей с гор грязи может сбить тебя с ног, и ты захлебнешься. А дороги здесь, похоже, не ремонтировали еще со времен римских завоевателей...

– Сэр, мы бы хотели услышать что-то про наше задание.

– Задание...

Полковник опустил большое белое полотнище, включил диапроектор, вывел на него карту. Карту было видно плохо.

– Вот это вот, джентльмены, – дорога. Она начинается здесь, в этом городе, и выходит почти что в центр края. Можно сказать, что это что-то вроде тропы Хо Ши Мина¹⁴ наших дней, только роли поменялись. Здесь тысячи ублюдков, которые занимаются наркотиками,

---

¹⁴ Тропа Хо Ши Мина – чрезвычайно опасный район, пограничная зона вьетнамско-лаосской границы. Вьетнам – это прибрежная страна, она вытянута вдоль берега, напоминая этим Чили. А тропа Хо Ши Мина идет параллельно границе, получается, что вьетконговцы могли получать пополнение в любой точке Вьетнама, а американцы официально действовать на территории Лаоса не могли – но действовали. Точно так же, как наш спецназ вырос на Афганистане и операции «Завеса», так американский – на Демилитаризованной зоне и тропе Хо Ши Мина. Американская армия, такая, какая она есть, – суть армия, родившаяся во Вьетнаме. Точно так же должно было произойти и с нашей армией после Афганистана – но государство не усвоило уроки, а развалилось, и бесценный опыт пропал зря.

контрабандой, бандитизмом, – а мы им помогаем, чтобы они долбали сербов и этого ублюдка Милошевича. Хотя по мне – больших ублюдков, чем те, которых я вижу каждое утро на брифингах, – не сыщется за тысячу миль отсюда в любую сторону. Мы скупаем все оружие, какое только можно найти на европейском черном рынке, мы опустошили польские, болгарские, румынские и даже швейцарские склады старья, и все это уходит по этой дороге в Косово, чтобы там стрелять. Но сейчас, как вы сами знаете, джентльмены, – ситуация резко изменилась. Наш президент решил не ждать, пока сербы сделают правильный выбор – а вместо этого самому крепко пнуть сербов по заднице, чтобы они убирались из Косова и больше не занимались там геноцидом. С тех пор тут все, как улей, в который сунули палку, так его мать. У нас есть наготове десантные и транспортные корабли в Средиземном море, у нас есть наготове группировка войск НАТО в Германии – но все это упирается в один вопрос. Дорога.

– Дорога, сэр?

– Да, черт бы все побрал, дорога. Это очень хреновая дорога, она идет по ущелью, и мы знаем как минимум два моста, которые являются частью этой дороги. Там сплошной лес, черт побери, и вы видели, какие здесь туманы. Бессильны даже спутники, надо что-то делать, и делать быстро, – а как только мы начали операцию, писники¹⁵ начали писать кипятком, и я чувствую своей старой натруженной задницей, как с каждым днем то кресло, на котором я сижу, становится все горячее и горячее. Надо принимать какое-то решение, мы не можем ждать, пока небо очистится от туманов и наши спутники хоть что-то покажут. Мы уже потеряли в той стороне несколько самолетов и вертолетов. Поэтому – принято решение послать опытную наземную группу. Ваша задача, джентльмены, – пройти вдоль этой дороги на всем ее протяжении, а потом вернуться и рассказать мне о ней. Как она выглядит. Пригодна ли для прохождения техники, к примеру, танков. Кто скрывается в лесу по обеим сторонам ущелья, чем эти люди вооружены и что намерены делать. Что с мостами – заминированы, охраняются, уже разрушены? Мне не нравится эта дорога, джентльмены, вот почему я хочу все знать о ней перед тем, как будет приниматься какое-то решение.

– Сэр, танки не дойдут даже до того места, на котором мы стоим. Мы сами еле добрались сюда, едва не утопив машину в какой-то яме с дерьмом.

– Это не ваши проблемы. Никто не говорит про танки – есть бригады «Страйкер», есть более легкие силы. Я предлагал пустить вперед бронекавалерийскую бригаду без танков под сильным авиационным прикрытием – но этот план нуждается в дополнительной проработке. Вы и должны доставить мне дополнительную информацию.

Овьедо прикинул – задачка выходила не из легких.

– Сэр, глубина проникновения?

– Более ста километров. Примерно сто двадцать. По-нашему, это шестьдесят-семьдесят миль.

– Мы получим карту?

– Да, но только ту, которая у нас есть. Вам придется немало поработать над ней.

– Что делать в случае контакта с противником?

– Избегать его. При невозможности – действовать жестко. Охотничий сезон открыт, джентльмены, – и в местных лесах полно дичи.

– А как насчет поддержки?

– Поддержка... Поддержка будет предоставлена. Но только наземная, воздушной не будет. По всей длине дороги черт-те что творится. Считается, что она под контролем сил УЧК на всем ее протяжении – но события, происходящие там каждую ночь, заставляют считать этот вывод поспешным. Сербы воюют несколько лет, и среди них есть немало хороших специалистов. Есть и другие...

---

¹⁵ Те, кто за мир. От реасе – мир.

– Другие, сэр?

– Черт, сержант, я сказал то, что сказал. Тема закрыта.

Понятно... Русские!

– Еще один вопрос, если позволите, сэр. Почему мы? С этим легко справилась бы «Дельта», у них гораздо больше опыта в скрытном проникновении и разведке. Мы снайперы, специалисты несколько по другому... роду деятельности.

– Ах, бросьте! Вы как раз те люди, какие и нужны здесь. «Дельта» немного не то. Мне нужны парни, на которых можно наступить в лесу и не заметить. А это вы, джентльмены. Снайперы-разведчики Корпуса морской пехоты США.

* * *

Дальнейший разговор переместился в другое здание – там было накурено хоть топор вешай, пахло травкой, на столе грудой лежало оружие, в том числе снайперские винтовки «Барретт-82», которые сюда поставляло ЦРУ в значительных количествах. Тут был ноутбук, современный, ударопрочный, – но на нем несколько местных небритых и увешанных оружием с головы до пят аборигенов смотрели немецкое порно, пуская слюни. На стене висел флаг Албании с надписью УЧК, тут же на столе жадно жрали и решали какие-то вопросы, люди постоянно входили, выходили, разговаривали громко, недопустимо громко для армейского штаба. Все это походило на временное пристанище какой-то банды, а не на штаб сил, которые поддерживает США.

– Хашим, – позвал полковник, когда они переступили порог сего гостеприимного дома.

Один из тех, кто ел за столом – одновременно ухитрялся есть и говорить, – встал, с широкой улыбкой пошел им навстречу. Улыбка была такого рода, при которой полицейский судорожно проверяет, на месте ли пистолет.

– Хашим...

– Полковник... прошу к столу.

Они обнялись, как это принято у славян. Что же касается стола – то ни один морской пехотинец не назвал бы столом этот свинарник.

– Спасибо, Хашим, времени нет. Встретимся вечером в баре и выпьем.

– Заметано.

– Хашим, вот эти парни пойдут по тропе. Что они должны сделать, чтобы твои люди их не тронули?

– Нет ничего проще, полковник...

Хашим, однофамилец Хашима Тачи, главы бандитского государства Косово, подошел к другому столу, шугнул оттуда ценителей порно, открыл ящик и достал оттуда жменю нарукавных повязок, наподобие тех, какие повязывали в СССР дежурные. На повязках было вытиснено – УЧК, сами повязки были не просто вырезаны из куска красной материи, а сделаны фабричным способом.

– Вот это – пусть оденут на руку. И я еще дам им позывной. Пусть называют свой позывной в эфире, если что-то произойдет...

– Хашим, у них не всегда будет возможность носить это на руке. Нужно что-то еще, думай...

Хашим задумался, потом звучно хлопнул ладонью по лбу.

– У вас есть тот фотоаппарат, полковник? Тащите. Сейчас сделаем.

Вот тогда-то – утром, перед самым разведыванием – и сделана была эта фотография, единственная фотография, где они все вместе, верней все вместе, кроме него самого. Тили. Кинан. Саседо. Динкель. Мартинсон. Овьедо. Гринберг. Получилось так, что из всех восьмерых только он один мог пользоваться фотоаппаратом, а поставить на задержку

было невозможно, это была старая модель. Так и получилось, что на снимке их оказалось семеро, хотя в реальности их было восемь.

Первым стоит Тили, опираясь на свою здоровенную «М107». С другого фланга присел Овьедо – этот как всегда улыбается, его «М21» с глушителем заливчатски положена на плечо. Мартинсон держит свою «М4» с глушителем и оптикой – как Рэмбо. Остальные – между ними, просто стоят. Восьмым в этом снимке был бандит по имени Хашим, он стоял с пулеметом в высоко поднятых руках и улыбался. Надпись на обороте снимка гласила – «Это мои друзья» и заверялась печатью УЧК. Но в надписи ли дело, ведь это была их единственная фотография...

* * *

– Черт, сэр... Вот такого дерьма – не было даже на Аляске во время курсов по выживанию.

– Заткнись... – ганни и сам выглядел не лучшим образом, он посерел от усталости, на лице его была грязь, потому что он вытирал лицо грязной рукой.

Они были в лесу. Это были балканские Альпы, невысокие, поросшие лесом горы. Зимой здесь не снег – а мерзкое месиво, сама почва в основном глинистая и имеет обыкновение скользить под ногами в самый неподходящий момент. Склон достаточно крут, чтобы при падении прокувыркаться пару десятков метров и что-то себе сломать. Влажность – близкая к ста процентам, тот же самый туман, через который не пробивается даже солнце. Кажется, что дышишь водой, на лице – грязные разводы, и все та же пленка воды. И снег... убудочный мокрый снег, который то начинает идти, то прекращается вновь. Погода, как в Британии на севере, на тренировочных базах САС.

Какое наблюдение? Эти убудочки в штабе что – думают, что если погода неподходящая для спутника, то они видят лучше, чем спутник с околоземной орбиты? Да тут – танк можно не заметить с пятидесяти метров.

Кстати, про танки...

– Хрен здесь что-то пройдет, парни... – выразил общее настроение Овьедо.

– «Хаммер», может, и пройдет.

– Ерунда. Сядет и он. Эта дорога – сама по себе противотанковое препятствие. Если будем здесь наступать – к Сараево выберемся как раз к весне.

– К Приштине.

– А один хрен! Боже, как мне все это надоело...

– Держись. Дядя Сэм платит нам за это денежки.

– Он платит нам денежки за то, чтобы мы лезли в огонь, а не в дерьмо.

– Дяде Сэму виднее.

Разговор американских морских пехотинцев прервал выстрел. Глухой... при такой влажности воздуха даже близкий выстрел кажется глухим, как через подушку. Дополнительных команд не требовалось – через пару секунд небольшой колонны уже не было. Была необорудованная огневая позиция, занятая морскими пехотинцами.

– Внимание. Осмотреться, доложить по секторам!

Одиночный выстрел, явный признак присутствия снайпера. И неважно – в кого он стреляет, в них или нет. Чужой снайпер – серьезная угроза в любом случае.

Когда дошло до него, доложил и Нули.

– Северный сектор, чисто. Видимость – сто футов, не больше.

Оружие каждый, кто приходил в группу, подбирал себе сам, тем более что на него работали оружейники Корпуса морской пехоты США, одни из самых квалифицированных оружейников во всем мире. Оружием Нули была снайперская винтовка «М40А3», по виду

стандартная – но на деле у нее было полностью изменено питание, винтовка питалась из отъемных магазинов стандарта «M14». Непонятно, почему так не сделали на всех винтовках снайперов Морской пехоты, это же так удобно – но не сделали, а на его винтовке – сделали. Еще у него был пистолет-пулемет «HK MP5K PDW» с глушителем, как у «морских котиков», и пистолет «Браунинг-35», тоже с глушителем. Вообще, экипировка снайпера разведывательной группы, если мерить европейскими мерками, весила более сорока килограммов.

Они залегли и пытались понять, что это был за выстрел. Это могло ничего не значить – в Европе и сейчас распространено браконьерство. Это могло значить, что впереди засада – но что это за засада такая, один выстрел и никакого ответного огня, что – убили одного человека, и все. Это могло означать и то, что какой-то завшивленный ублюдок, который купил оружие на базаре и пошел воевать за освобождение Косово – случайно нажал на спуск. Это могло значить все что угодно – но знать, что именно, – было необходимо...

– Я – Первый! – раздался голос ганнери-сержанта Гринберга. – Разделиться. Два-три-два. Двигаемся очень осторожно, дистанция между группами семьдесят. Пошли.

Прошли еще немного. Потом новый выстрел – и снова пришлось залечь.

Подает сигналы?

Черт... не лес, а поле в стране чудес. Туман такой плотный, что сквозь него почти не пробивается солнце, белый как молоко...

– Я – Первый! Начать движение.

– Контакт!!! – раздался крик Саседо по рации и тут же оборвался.

– Мартинсон, Тили! – отдал команду первый.

– Прикрываю.

– Сэр...

– Лежать! Всем лежать, передвигаться только на брюхе! Предел внимания!

Сержанта Нули, который не имел опыта операций «на холоде», в тылу противника – как морозом по спине продернуло. Винтовка его была за спиной, в одной руке он держал «браунинг», в другой – «MP5K» и готов был стрелять по всему, что движется.

Вот только не видно было – ни хрена.

– Общий сбор, левый фланг. Осторожнее...

* * *

Саседо был мертв, и мертв бесповоротно. Но самое страшное было не то, что одного из их команды убили, в конце концов, все они понимали, за что им платят деньги, – а то, как именно его убили. Его убили ножом или чем-то острым, перехватили горло одним ударом, и он скончался почти сразу. Все было залито кровью.

Было просто невероятно, чтобы Саседо, даже в таком тумане, подпустил кого-то на удар ножом. Черт, они были морской пехотой Соединенных Штатов Америки, группой глубинной разведки, многие из них в каких только переделках не побывали – и вот такое. Каждый из них был опытным снайпером, и никто бы не подпустил противника к себе на расстояние удара ножом. По крайней мере – они так думали.

– Сэр...

Гринберг повернулся к болтуну.

– Заткнуться! Занять круговую оборону! Доклад каждые десять минут, укрепиться здесь. Выполнять, твою мать!

* * *

Как же он сумел подобраться так близко? Как?

Стемнело – но стало еще хуже, потому что к туману добавилась еще и ночь. Мерзкая, промозглая сырость, особенно мерзкая от того, что нельзя двигаться, приходится долгое время лежать без движения. Холод сковывал все члены, пробирался под кожу, в каждую клеточку тела.

Черт... Как же все хреново.

С наступлением ночи они надели очки ночного видения, каждый; у сербов, тем более у косовских сербов, их не могло быть, было несколько штук у УЧК – но именно несколько штук, им их передавали поштучно, после обучения – иначе сломают, обезьяны. Ночь была относительно безопасной... жаль, что они сразу не пошли ночью.

Жаль...

– Понесешь Саседо. Ты – поможешь, – ткнул пальцем Гринберг в Динкеля и Кинана.

– Есть, сэр.

– Не разбредаться. Дистанция – не более десяти метров.

– Головной дозор, сэр?

– Нет. Слишком опасно. Справимся без него. Идем цепочкой.

Гринберг испугался – это было видно. Раскалывать группу при том, что где-то есть парень, который может подобраться на расстояние удара ножом к разведчику-снайперу морской пехоты – все это выбило его из колеи.

Ганни Гринберг испугался какого-то ублюдка-серба – немыслимо! Но это было так, хотя потом Нули никому не рассказал об этом.

Прошли так они немного – меньше километра. Потом – вспышка в темноте, шипение реактивной гранаты и разрыв. Красно-желтая вспышка на стволе дерева, мимо которого как раз проходили Динкель и Кинан с телом Саседо на плечах.

– Контакт!!!

Длинной очередью ударил пулемет – и все они как один открыли в том же направлении огонь из всего, что у них было, кроме снайперских винтовок, потому что от них в такой ситуации никакой пользы. Потом Нули не мог вспомнить – сколько магазинов он высадил в темноту – два или три. Да и неважно... вспышки, яркие трассы в зеленом сумраке прицела накладывались одна на одну, и грохот очередей сливался в бесконечную зауспокойную симфонию.

Что делать дальше – они знали. Нули – бросился к тому месту, где разорвалась граната, пущенная в Динкеля и Кинана. Еще кто-то – пошел вперед, чтобы осмотреть сектор, который они обстреливали. Кто-то – занял оборону на тропе.

От того, что произошло с Динкелем и Кинаном – Нули едва не вырвало. Это не мог быть выстрел наудачу; тот, кто стрелял, отлично видел, что он делает, видел в ночи и в тумане. Выстрел гранатомета попал в ствол дерева, разорвался – и веером осколков разбило головы Динкеля и Кинана, буквально наспиговало их осколками, не спасли и шлемы. Вместо одного трупа на руках – у них теперь было три.

И результат – ноль.

– Сэр, у меня оба мертвы, – доложил Нули в рацию.

– Возвращайся. Не стой там.

Вернулись и те, кто ходил проверять обстрелянный сектор.

– Ну?

– Ни крови, ни трупов. Ничего, сэр. Мы ни в кого не попали.

Ганни Гринберг какое-то время молчал, потом заговорил обычным, сухим голосом:

– Остаемся здесь. Начинаем охоту. Ты и ты – подвижный элемент. Занять позиции.

* * *

Нули занял позицию у ствола упавшего дерева, как мог, укрепился и поставил в двадцати метрах за спиной мину «Клеймор» – чтобы обрадовать того, кто попытается подкрасться к нему со спины. Винтовка лежала рядом, он осматривал сектор глазами и в бинокль, поле зрения куда шире. Если нужно будет – он воспользуется уже винтовкой.

Должны же эти, призраки черного леса, мать их – как-то проявить себя?

И проявили – самым неожиданным, не укладывающимся в голове образом. Нарастающий вой, отчетливо слышимый и понятный любому, кто был под обстрелом, потом звук разрыва, еще один, какие-то вспышки...

Минометный обстрел.

Внезапно Нули понял, что за спиной кто-то есть. Бессмысленно спрашивать, как он это понял – просто понял, и все. Такой талант был, уже тогда, он его не совсем осознавал еще – но понять он понял. Проиграв в голове, прорепетировав свои действия – он метнулся влево, левая рука схватила подрывную машину – эспандер и сжала ее, за спиной хлопнуло, выворачивающий душу вой осколков вплеся в какофонию звуков. А сам он, схватив правой рукой пистолет, извернулся на земле, не вставая – и встретил пулей почти в упор наваливающегося человека. Бок резануло острой болью, человек упал на него, придавил к земле – но он умудрился далеко вытянуть правую руку и оставить ее свободной, на отлете. И сейчас он приставил пистолет к боку упавшего на него неизвестного и стал стрелять, он стрелял и стрелял раз за разом, а человек странно хлюпал горлом и становился все тяжелее и тяжелее.

В отдалении грохнул выстрел. Тот самый. Потом – еще один. Потом – автоматные очереди прорезали лес. Много...

* * *

Нули не знал, сколько он так пролежал. Ему удалось все-таки спихнуть с себя тело неизвестного, он встал на четвереньки, мотая головой, как оглушенный бык.

– Дуарт ларт!¹⁶

В паре десятков шагов от сержанта стоял худенький, одетый в старый натовский камуфляж паренек лет пятнадцати, на нем была черная шапка-пидорка, очень удобная, потому что ее можно быстро раскатать в маску. На шапке была повязка – УСК, – а в руках у подростка был старый «калашников», который он держал с уверенностью опытного солдата.

* * *

На них вышли албанцы. Крупный отряд УСК, больше двухсот человек, спас их, когда в живых оставалось только двое – он и Мартинсон. Снайпер напал на сержанта Гринберга точно так же, как на него напал его напарник. Они ошиблись в одном: снайперская пара, убив Саседо – один, видимо, отвлек, второй подкрался на расстояние удара ножом, – не отступили, а, наоборот, прошли вперед. И таким образом – оказались у них за спиной. Они просто смотрели не туда.

Убив Гринберга, неизвестный снайпер взял его винтовку – с комбинацией ночного и оптического прицела – и начал стрелять. Никто не ожидал огня со своей же позиции. Если бы не отряд УЧК – и он бы лег..

---

¹⁶ Руки вверх! (албанск.)

* * *

Неизвестного, которого он застрелил – перевернули, раздели по пояс. Усиленная рота УСК держала периметр.

Неизвестный был худым, жилистым, метр семьдесят, не больше, ростом. Следы ранений – шрамы на груди, на плече, было заметно, что человек воевал и не раз попадал в полевую госпиталь.

На плече была татуировка – парашют, короткоствольный автомат Калашникова на фоне строп и надпись на русском «ДМБ-88».

Командир отряда УЧК – бородатый, нервный, жилистый – рассмотрел татуировку, потом встал и плюнул мертвецу в лицо. Это было командой для остальных – телохранители командира бросились на мертвого, как по команде, принялись с остервенением пинать тело неизвестного, выплевывая сквозь зубы злобные ругательства.

– Что происходит? – спросил Нули через переводчика, худощавого, чисто выбритого парнишку, учившегося в Тиране и понимающего английский язык, – такие были в каждом отряде, они должны были по наступлении D-day¹⁷ передавать разведывательную информацию в штаб группировки вторжения и наводить на сербов натовские авиаудары и артиллерийские удары, работая за передовых корректировщиков огня.

– Командир Абдул говорит, что вам повезло, что вы убили этого негодяя, – перевел парнишка слова командира, – этот негодяй русский, он приехал на албанскую землю, чтобы убивать албанцев, он из сербской специальной полиции. Он снайпер, и на его руках кровь сотен албанских воинов. Командир говорит, сначала он сомневался, что вы друг Хашима, несмотря на фотографию, которую вы показали. Но теперь, когда вы убили этого русского негодяя, он верит, что вы из спецотряда Хашима, и ждет ваших приказаний.

* * *

Два-два-три – и потом длинный. Это был их позывной в сети, которым они предваряли сообщения об обстановке, передаваемые в штаб. Русский снайпер, вероятно, их запомнил. И Нули их запомнил. Навсегда.

* * *

С Мартинсоном они начали работать в паре – единственные, кто остался в живых из группы. И работали. До Украины...

---

¹⁷ День наступления.

Крым, реальность Странник

В прицеле снайперской винтовки были дети. Просто – дети, замурзанные, грязные, но вооруженные, причем вооруженные автоматами и даже пулеметом. Если читать полевой устав по противоповстанческим и партизанским операциям, этих детей надо было как-то разоружить и отправить в лагерь для реабилитации – о том, как это сделать, спросите сержанта Натаниэля Чапмана¹⁸. Если жить не по уставу, а так, чтобы выжить – то детей нужно было немедленно застрелить и скрыть следы – потому что они в американцев выстрелить не преминут, будь у них такая возможность, а если не скрыть тела – будет суд военного трибунала. Странник не стал делать ни того, ни другого – у него не было ни времени, ни желания разоружать этих «детей-солдат»¹⁹, и он еще не свихнулся до того, чтобы стрелять по детям.

Пусть идут...

То, что он делал, напоминало скрадывание хищного, опасного зверя. У него было преимущество перед русским... русский имел здесь какую-то задачу, задачу по уничтожению противников, и поэтому он вынужден был раскрываться, выполняя ее – а у него самого не было никакой задачи, кроме уничтожения русского снайпера. Сейчас он двигался большими кругами в том направлении, в котором, по его предположению, находился снайпер – он засек активность румын и, хотя он не понимал румынский, понял, что что-то произошло. Когда он найдет след, он пойдет по нему, и русскому конец. Или – конец наступит ему самому.

Но как бы то ни было – это будет честная игра...

---

¹⁸ Сержант спецназа Натаниэль Чапман погиб в Афганистане, его убил подросток четырнадцати лет, американец просто не смог убить подростка, а подросток – смог. Случай хорошо известный, морализировали на эту тему многие.

¹⁹ Официальное название несовершеннолетних и малолетних участников боевых действий. Американцы до сих пор не решили, что с ними делать, – а между тем в Афганистане были случаи подрыва семилетних шахидов!

Дух

Они набрели на церковь... старенькую, небольшую дощатую церковь. Верней, не церковь, а то, что от нее осталось – ее не подожгли, возможно, потому, что лень было – но покуражились изрядно. Остов сгоревших «Жигулей» у входа, на кузове – следы от пуль. Все двери, стекла – настезь...

Подполковник показал на пальцах – идем вперед. Может быть, найдется что-то интересное...

Втопанные в грязь, уже порыжевшие, стреляные гильзы... в кого стреляли? Зачем? Все витражи – умело набранные вручную – перебиты, разноцветное стекло лежит у стен. Крест сворочен и валяется на земле, на кресте что-то жуткое, какая-то черная груда...

Священник. Крымские татары пришли сюда, испохабили церковь, своротили крест и около него расстреляли или замучали до смерти служившего здесь священника. Они делали это до тех пор, пока не перебили всех русских, и тогда румыны и американцы начали убивать уже татар. Все правильно – каждому да воздастся полной мерой...

Держа наготове оружие – подполковник не расставался с «АПБ», у второго номера был «АС» с американским оптическим прицелом и самодельным цевьем с лазером, – они вошли в церковь и только тогда поняли, почему так много гильз перед церковью и почему татары стреляли по церкви. Когда рухнула центральная власть – сюда пришла банда крымско-татарского меджлиса. Они взяли всех христиан, согнали их в церковь, заперли ее и открыли огонь из автоматов и пулеметов. Неверным – смерть.

Наверное, они не убивали священника сразу, они дали ему возможность увидеть расстрел паствы и только потом расстреляли его. Просто удивительно, сколько же в мире скопилось зла и жестокости... и как айнзац-команды из Бабьего Яра, уже забытые – вернулись, как только им дали такую возможность...

На горе костей сидела ворона. Увидев людей, она закаркала, заметалась – но нашла выход и вылетела в разбитое окно. Вероятно, в этом году у вороны будет много птенцов...

Стараясь не дышать, они прошли по похрустывающему полу в церкви и вышли через заднюю дверь, другого пути просто не было...

Цыгане

Этих – он едва не пропустил. Он никак не думал, что кому-то надо будет забираться сюда, в эту глушь. Как назло, он собрался пообедать и немного отдохнуть, все-таки возраст давал о себе знать, и, услышав надрывный вой машины, едва успел спрятаться. Дело происходило в месте, где стояли остовы небольших деревянных домиков... красивое, очень красивое место, видимо, когда-то тут жили туристы. Теперь здесь не жил никто.

Винтовку – в специальный чехол, пристегнутый к рюкзаку, автомат – в руки. На мгновение включил прицел – красная точка появилась на горелой, черной стене одного из домиков.

Есть...

К домикам, надрывая мотор затяжным подъемом, выполз внедорожник, старый американский «Шевроле Тахо», видимо, списанный и купленный по дешевке у какой-нибудь благотворительной организации. Автомашина – она была только одна – остановилась прямо у кострища, оставшегося здесь с давних времен, большой черный круг, присыпанный речным песком. Захлопали двери, раздались веселые, громкие голоса – те, кто приехал сюда, явно не боялись призраков этих мест, забирающих человеческие жизни. Они явно себя считали здесь хозяевами...

Четыре человека, с автоматами, румынскими, с изогнутой передней рукояткой на цевье. Черные кожаные куртки и джинсы, несмотря на жару – почти официальная униформа бандитов.

Странник не понимал, что эти люди говорят на своем веселом, беззаботном языке. Но чутьем своим безошибочно почуял недоброе.

Бандиты осмотрелись – совсем не так, как осматривался бы на незнакомом месте он, – потом закинули автоматы за спину, не выставив наблюдателя – они явно собирались заняться чем-то, что требовало участия всех четверых. Один из бандитов выбросил на поросший молодой, зеленой травой луг шевелящийся сверток, полоснул ножом. Бандиты заржали...

– Дядя... не надо...

* * *

Думитр был типичным порождением шестнадцатого района Бухареста – туда и полиция не осмеливается соваться. Он был на три четверти цыган и на четверть румын, отца никогда не знал – когда он подрос, мать призналась ему, что была изнасилована его отцом, денег на аборт не нашлось, пришлось рожать. Отец никакого интереса к судьбе сына не проявлял и в конце концов нашел свой конец в пьяной драке. Возможно, не случайной – цыгане всегда мстили.

Чуть повзрослев, Думитр занялся тем, чем обычно и занимаются преступные организации цыган во всем мире, – торговлей наркотиками, крышеванием проституции, похищением детей для борделей и на органы. В Румынии к этому прибавлялась контрабанда сигарет – в Молдове, на бывших колхозных полях хорошо рос табак²⁰ и было полно подпольных табачных фабрик. Граница Молдовы и Румынии существовала только на бумаге, и в Румынии сигареты облагались такими же пошлинами, как и во всех странах ЕС, а в Молдове – нет, в результате приграничные торговцы сигаретами зарабатывали не меньше, чем торговцы наркотиками. Находились и те, кто ради большей прибыли смешивал резанный табак с сеном.

---

²⁰ Для тех, кто не знает, поясню: после нескольких лет выращивания табака земле надо отдыхать лет десять, прежде чем на ней уродится что-то другое.

Думитр еще с детства был вовлечен в торговлю живым товаром и в похищения детей для борделей. В одиннадцать лет он принес клятву верности клану, после чего его вместе с матерью отправили в Украину. Украина, наряду с Молдовой, стала отправной точкой в маршрутах, по которым живой товар – девочек от двенадцати до семнадцати, хотя попадались и мальчики – переправляли в Румынию или Польшу, а потом – в публичные дома стран Западной Европы, Северной Африки и Ближнего Востока. Преимуществом Думитра было то, что по меркам правовой системы «цивилизованного» государства он был малолетним и не подлежал уголовной ответственности за содеянное. Сородичи объяснили ему это – и в результате к четырнадцати годам в его послужном списке было не только многочисленное соучастие в похищениях, но и два умышленных убийства.

В то время, когда еще несовершеннолетним Думитр действовал на Украине – на наркорынке Европы произошло что-то вроде переворота. Его совершили албанские дилеры, получив в свое распоряжение на юге Европы несколько сот квадратных километров территории, на которой не действовали никакие законы, кроме круговой поруки. В свое время европейские страны приютили албанских беженцев, бегущих с родной земли от злодеяний сербских фашистов – теперь сформировавшиеся общины албанцев стали наркомафиозными кланами. Круговая порука, звериная жестокость, наличие доступа к армейскому автоматическому оружию, которого на Балканах достаточно, наличие базы Кэмп Бондстил, на которую постоянно приземляются борта из Афганистана, – все это дало албанцам возможность занять и, в ходе ряда жестоких разборок с русскими, итальянцами, цыганами – отстоять европейский наркорынок. Цыгане, во время ряда крупных разборок во Франции и Германии, потеряв убитыми несколько десятков человек, смирились и переключились на торговлю детьми и женщинами, благо на этот их исконный рынок – никто не претендовал. Таким образом, к началу вторжения Думитр по прозвищу Жало – обе свои жертвы в юном возрасте он убил ножом и сейчас таскал нож с собой все время – оказался на самом вершине семейной иерархии. В цыганских семьях, чем больше дохода ты приносишь – тем большим авторитетом ты пользуешься. Наверное, так оно и должно быть.

В зону боевых действий он попал очень просто – истратив что-то около семи тысяч евро, он получил документы на себя и на своих сородичей, удостоверяющие его принадлежность к какой-то неправительственной организации, аккредитованной при ООН и занимающейся помощью беженцам в зонах локальных вооруженных конфликтов, в особенности – помощью детям. Еще пару тысяч евро он истратил на то, чтобы получить аккредитацию в гражданской администрации Крыма. Купил две машины, русскую «Ниву», чтобы бензина много не жрала, и этот вот «Шевроле» – для понта, ни один цыган не может без понтов. Там же, на одесском привозе, он купил несколько автоматов Калашникова и патроны к ним.

Специализацией Думитра были несовершеннолетние девочки, которых он отбирал для борделей. Можно было бы и на органы, за детей на органы платили в несколько раз больше – но Думитр не хотел заниматься этим по нескольким причинам. Первая – этим уже занимались другие люди, и за попытку запустить свою ложку в чужую тарелку можно было получить пулю в голову. Вторая – в группах, которые занимались похищением людей на органы – были квалифицированные врачи и какая-то аппаратура, какая именно – Думитр не знал и знать не хотел, врача у него тоже не было – какой врач, когда самый образованный из них окончил семь классов? Наконец, третья причина: для разбора на органы нужно было пересмотреть иногда несколько десятков людей – и при этом не факт, что подойдет хотя бы один из них. А Думитр был ленив, но расчетлив, он рассудил, что массовый товар, пусть и стоящий на порядок дешевле – обогатит его намного быстрее, чем товар штучный. В этом Думитр проявил свои качества предпринимателя.

Сегодня утром он заехал в знакомую комендатуру, чтобы проверить, что наловили этой ночью. Все дети, обнаруженные на улице во время комендантского часа, подлежали задер-

жанию и доставлению в приемник. Там их либо могли выкупить родители – если успевали, либо их выкупали такие вот, как Думитр, либо, если ребенок никого не заинтересовывал – его через несколько дней вышвыривали на улицу, гуляй, мол. Он отобрал трех девочек, старшей из которых на вид было лет шестнадцать, а младшей – лет двенадцать. Старшую бы он не взял, несовершеннолетние девочки шли лучше – но она была блондинкой, а это было редкостью в этих местах, брюнеток здесь гораздо больше. Блондинки шли дороже – ее можно было сторговать на границе тысячи за три евро, в то время как за брюнетку можно было получить две, максимум две с половиной тысячи. За этих трех девочек Думитр заплатил по пятьсот евро... военные совсем обнаглели в последнее время, в прошлом месяце было триста, говорят – какие-то проверки начались, плата за риск. Хотя какая тут плата за риск, это, наверное, проверяющие тоже свой кусок хотят – вот и все. Надо поднимать цены и на границе... меньше, чем за три не отдавать, иначе... бензин, жратва... так и на карман себе не останется.

Перед тем как везти девочек до границы – он решил их «объездить», точно так же, как это делали в его родном шестнадцатом районе Бухареста. На нормальном языке это значило – сломить волю ребенка путем избиения и группового изнасилования. После этого девочку гораздо проще было заставить идти на панель.

* * *

Странник не знал, что кричит эта девочка, судя по виду, еще несовершеннолетняя, – но происходящее ему категорически не нравилось, он был родом из той страны, где за подобное полагалось четверть века тюрьмы. Он воевал не первый год и знал, что в зонах локальных конфликтов происходит и не такое... в Сомали, например, были нередки случаи людоедства. Но это происходило на его глазах, у него в руках было оружие, а эти ублюдки были настолько поглощены предвкушением процесса скотского совокупления с девочкой, что не замечали ничего вокруг себя. Ее прижали к запыленному борту внедорожника, и один из бандитов одной рукой отвешивал ей пощечины, другой пытался сорвать с нее трусики. Второй – похотливо глядя на все это, расстегивал штаны.

Он мог бы убить всех четверых, быстро и просто – даже если бы они выставили часового, это им не помогло бы – просто прожили бы на пару секунд дольше, вот и все. Но с трупами и с машиной потом что-то пришлось бы делать... и с этими девочками тоже. Главная заповедь снайпера – не оставлять следов...

Но смотреть на все это... омерзительно.

Он чуть пошевелился, чтобы удобнее было целиться.

* * *

Среди бандитов был один, который не был цыганом – он происходил из семьи горных охотников из Трансильвании, родины графа Влада Цепеша по прозвищу Дракула. С детства его учили быть осторожным, и он был осторожным всегда, даже когда все остальные проявляли просто-таки чудеса распушенности и беспечности. Вот и сейчас, краем глаза – движение лучше всего ловится именно боковым зрением – он заметил, как что-то шевельнулось в сотне с гаком метров от них. Это было почти незаметное шевеление, другой бы не обратил на это внимания... мелкий зверек, полевка, вот что это могло быть. Но сын охотника, он и сам был охотником, ходил в горы с отцом, и сейчас он точно понял, что никакая это не полевка.

– Думитр! – предупредительно крикнул он, поворачиваясь к цели...

* * *

Думитр в этот момент занимался довольно-таки сложным, требующим твердой руки делом – одной рукой он держал девочку за горло, прижав ее к борту внедорожника, второй – пытался надеть презерватив, потому что заранее он этим не озаботился, а быть вторым он никак не мог – главарь никогда не бывает вторым, иначе он не главарь. На крик «Думитр!» он никак не отреагировал, просто не успел – не до того было. А потом – было поздно, его словно кувалдой по голове хватило, и больше он ничего не видел, не слышал и не чувствовал...

* * *

Его заметили – однозначно заметили, тот бандит, который повернулся и что-то выкрикнул – смотрел прямо на него и тянулся руками к оружию. Молодец... а вот он облажался... чистые подштанники Мэгги. Эти четверо показались ему не опасными, просто вооруженными бандитами – но среди них оказался тот, кто смотрел по сторонам и сумел засечь даже мимолетное движение, и не стал всматриваться... сразу понял, что это такое. Наказывать себя было поздно... три секунды, не более. На первой – красная точка лазерного прицела уперлась в грудь крикнувшего, самого опасного, три пули рванули ткань легкой куртки, повергая бандита наземь. Странник моментально перевел прицел и поразил еще одного, в голову – брызнуло красным, и второй бандит упал... тут без вариантов. Третий попытался заскочить за машину и упал с разбега, грохнувшись всем телом оземь... живые так не падают, так падают только те, у кого моментально отключились все нервные центры. Четвертый – самый опасный – то ли насиловал девочку у машины, то ли только собирался это сделать... как бы то ни было – машина закрывала его практически полностью. Вскочив на ноги, Странник оказался перед стандартной мишенью «террорист с заложником», причем сложной, с площадью перекрытия чуть ли не восемьдесят процентов. Но террорист даже не попытался выстрелить – а вот Странник, которого учили решать подобные ситуации люди из Группы освобождения заложников HRT FBI в Квантико, штат Виргиния, – отработал на все сто. Не переключая переводчик режима огня, он умудрился дать два одиночных выстрела – один из них попал бандиту в основание черепа, второй – чуть выше. Брызнуло красным... на машину, на девочку... оба, и террорист и заложник, исчезли из прицела.

Стукнул одиночный выстрел, пуля пропела совсем рядом... Странник едва успел увернуться. Уже падая, он оценил ситуацию – у того, первого, которого он подстрелил, оказался бронежилет под курткой! Сейчас он не был убит – и из положения лежа пытался выцелить снайпера... почти безнадежно, но он сопротивлялся до конца. Упав, снайпер не потерял контроля над оружием и, только ударившись о землю, – дважды бабахнул короткими очередями по черной вихрастой голове последнего остающегося в живых бандита. Плеснуло красным, бандит... все-таки он был ранен, хотя и не убит – выронил из ослабевшей руки автомат, затих.

Все...

Интересно... девочка. Цела или нет? Ему было интересно просто как специалисту, как стрелку – выполнил он упражнение или нет?

И этот, последний... Все-таки ты постарел, Странник, постарел... Еще бы год назад ты не допустил бы такого, смог бы предугадать, что если кто-то столь умен, что может заметить тебя – то у этого человека запросто может оказаться и бронежилет скрытого ношения... они стоят дорого, но они того стоят. Надо прекращать это дело... в конце концов, он может открыть оружейный магазин или тир... к нему будут приходить гражданские, покупать оружие, стрелять, а он будет развлекать их байками про свою служивую жизнь, в которых правды будет процентов десять, не больше. Дело даже не в подписке о неразглашении,

дело в том, что настоящую правду американцы просто не заходят узнать, правду о том, что происходит в таких вот залитых кровью уголках планеты – американцам не продашь. Слишком она страшная – это правда. Не дает спать по ночам.

Перебирая в голове эти мысли, не слишком приятные, Странник полз, чтобы сменить позицию... на этой нельзя оставаться ни в коем случае. Он немного понаблюдает и уйдет...

* * *

Девочка... ее звали Таня, и ее схватили румыны, когда она неосторожно вышла на улицу днем, – придя в себя, обнаружила, что бандит, который пытался ее изнасиловать – лежит рядом и как-то странно подергивает рукой, вся левая половина лица его была залита кровью, левого глаза не было, а вместо него – кровавая дыра. Она закричала. И побежала... сначала на четвереньках, потом встала и побежала, сбивая ноги в кровь... куда угодно, только от этого страшного места.

Крым, реальность USNS Altair T-AKR 291 Navy forward operational base «Omega»

– Сэр, Странник отработал по целям и уходит...

– Черт бы его побрал...

Подполковник был зол – в конце концов, Странник был там совсем не для этого. Теперь он оставил следы... рано или поздно кто-то придет сюда и найдет эту чертову машину, трупы... Гильзы от американского автомата, в этих убудках – пули, и тоже из американских автоматов. Тот, кто сложит два и два – пойдет по следу...

– Что за подонки это были?

– Сэр... кажется, это цыгане. Очень похоже на цыган, они занимаются похищениями детей. Определенно, это цыгане, сэр.

Цыгане – это хреново. В Румынии существует отдельная спецслужба, занимающаяся официально – защитой цыган во всем мире, а на самом деле – агентурной разведкой и острыми акциями²¹ с использованием многочисленных общин цыган – общины эти были живучи как тараканы.

Оператор дал максимальное увеличение, камера остановилась на залитом кровью лице Думитра...

– Черт... Сэр, наблюдаю движение! Этот парень жив!

Подполковник морской пехоты США Дэвид Холл выругался последними словами – еще этого только не хватало.

– Оператор, подтвердите для записи! Вопрос – одна из целей Странника жива?

– Так точно, сэр! – по-уставному ответил чуть перепуганный гражданский оператор. – Цель проявляет признаки движения.

* * *

На самом деле Думитр был еще жив, и оставалось ему жить минут десять. Господь не дал работорговцу и насильнику детей возможности быстро подохнуть...

* * *

Вот козел... этот Странник и в самом деле старый козел! Еще и не убрал за собой... а ведь за эту всю ерунду придется отчитываться.

– Оператор, вопрос – «Молот» находится на позиции для стрельбы?

– Так точно, сэр. «Молот» в позиции для стрельбы.

– Внимание, боевой приказ для «Молота» – цель с координатами один-три-один-два-семь-пять уничтожить. Исполнение подтвердить.

– Принято, внимание, есть приказ на уничтожение цели с координатами один-три-один-два-семь-пять, цель – внедорожник гражданского типа, статичен! Перевести «Молот» в режим прицеливания!

– «Молот» в режиме прицеливания, есть наведение на цель, есть лазерное прицеливание! Цель идентифицирована!

---

²¹ Убийствами.

– Вооружение – стабильно, удержание курса стабильно – все системы стабильны, «Молот» к стрельбе готов!

– Подтверждаю, «Молот» в режиме прицеливания, цель захвачена, все системы стабильны! Есть добро на применение силы, расчетное подлетное время три точка три секунды!

Изображение на экране сменилось изображением внедорожника и прицельной сетки на ней.

– Огонь!

– Ракета пошла!

В углу экрана заработал таймер подлетного времени – и ровно через три целых три десятых секунды цыганский внедорожник, вместе с лежащими вокруг него цыганами, а также двумя связанными несовершеннолетними девочками в багажнике превратился в ничто, в прах и пепел, сожженный термобарической головкой «Хеллфайра».

– Цель поражена, сэр. Задача выполнена.

– Подтверждаю, цель поражена, ущерб максимальный. Всем спасибо.

* * *

Девочка Таня пришла в себя только тогда, когда пробежала около километра босая по горной тропе, выбилась из сил и упала. Тут ей пришло в голову, что в машине она была не одна, там была еще одна связанная девочка или две, она ехала в багажнике и не могла пошевелиться – но она точно знала, что в багажнике с ней едет кто-то еще.

Она попыталась стереть кровь с лица, все лицо было в крови, и на платье тоже была кровь, она с остервенением стирала эту кровь сначала руками, потом взяла горсть земли, начала ожесточенно тереть лицо, руки, тереть с остервенением, едва не сдирая кожу. Потом она попыталась сделать что-то с платьем, стянула и выбросила порванные трусики, ей было стыдно, но ничего она поделать не могла. Ей надо было добраться до Севастополя... и при этом не попасться на глаза людям. Если ее увидят в таком виде румыны или крымские татары – ее изнасилуют, как только что пытался сделать этот ублюдок.

Но в первую очередь она должна была добраться до этой машины и помочь тем, кто в ней остался. Как только она пришла в себя – первой осознанной мыслью, которая родилась у нее в голове, была – помочь остальным.

Она не знала, кто убил тех, кто пытался ее изнасиловать. Это были явно не крымские татары – они бы попытались ее поймать и сами изнасиловали бы, и явно это были не русские партизаны – они бы попытались ей помочь. Она знала – про это говорили шепотом, – что и в самом Севастополе, городе русской воинской славы, и по всему Крыму действуют команды разведчиков-ликвидаторов сил НАТО, в числе которых были поляки и американцы. Они убивали и русских партизан, и крымских татар, и даже бандитов – у них была лицензия на отстрел, и они этим активно пользовались. Про них никто не мог толком рассказать – потому что во избежание раскрытия информации в рейдах они убивали всех, кто встретится им на пути. Возможно, бандиты чем-то помешали такой вот команде – и они их всех убили. Она не видела их – поэтому они сочли возможным оставить ее в живых...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.